

18+

Татьяна Масс

Я уехала
в кантон Ури

Дневник эмигрантки

Татьяна Масс

**Я уехала в кантон Ури.
Дневник эмигрантки**

«Издательские решения»

Масс Т.

Я уехала в кантон Ури. Дневник эмигрантки / Т. Масс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853420-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Татьяна Масс, писатель эмиграции». Из французской газеты «Le Progres»: Татьяна Масс стала представителем Франции для «Арены» — сборника русских писателей эмиграции, изданного в США издательством «Окно». Её творчество очень серьёзно встречено критикой и читателями. С тех пор Татьяна продолжает получать множество писем от читателей из разных стран. Что человек должен пережить и испытать, чтобы написать такую историю? Прочитав повесть «Я уехала в Кантон Ури», находишь ответ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-853420-1

© Масс Т.

© Издательские решения

Содержание

Письмо Анны к Марии	6
Май 1998 года	11
Через год. Май 1999 года	22
Декабрь 1999 года	27
Май 1999 года	28
1 января 2000 года	32
Июнь 1999 года	34
1 января 2000 года	38
Линда	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Я уехала в кантон Ури Дневник эмигрантки

Татьяна Масс

«Прошлого года я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури¹. Там я уже купил маленький дом. У меня ещё есть двенадцать тысяч рублей; мы поедem и будем там жить вечно. Место очень скучное, ущелье; горы теснят зрение и мысль. Очень мрачное.»

Фёдор Михайлович Достоевский. «Бесы»

Редактор Александр Рубин

© Татьяна Масс, 2017

ISBN 978-5-4485-3420-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письмо Анны к Марии

«Мария, бонжур!

Ещё нет и десяти дней после нашего расставания на вокзале в Безансоне², а мне кажется, что прошло уже полгода. За это время я изменила своё «социальное лицо», пройдя от обычной русской до обычного просителя статуса политического беженца во Франции. Эти изменения, конечно же, отзовутся и внутренними переменами, но пока я всё та же. Мне хочется так думать, во всяком случае. Я обещала вам написать сразу же, как только мы устроимся, но теперь понимаю, что этого условия мне пришлось бы ждать слишком долго: мы до сих пор ещё не устроены.

В том поезде, который увёз нас из Безансона в Лион, оказался один русский: то ли новый русский, то ли браток. Эти типажи ведь мало отличаются своим обликом: крепкие руки с обязательной печаткой, бычья шея... Но мне он стал почти симпатичен своим назойливым сочувствием к нашей бесприютности, проявлявшейся в том, что криминальный нувориш этот горячо советовал нам переменить маршрут и сдаваться в Лионе, так как на юге – в Монпелье, куда вы нас отправляли, сейчас, по его словам, слишком много беженцев-арабов.

Мы, доверясь совету опытного, вышли в Лионе, который мне показался городом энергичным и шумным, но и только. На другие впечатления у меня уже не было сил: все мои внутренности обмирали при мысли, что сейчас придётся сказать ту фразу, которой вы нас научили: *«Же ве деманде азиль политик»* – *«Я хочу попросить политическое убежище»*. Выйдя из поезда, я сознательно оттягивала время этой фразы... мы прошли по вокзалу... купили булочки... выпили сока, а приближающийся вечер неминуемо грозил поисками ночлега. Я подошла к полицейскому и, будто прыгнув в ледяную воду, произнесла эту фразу на моём ужасном французском. Это было трудно. Я и не представляла себе, что это может быть ТАК трудно...

Впрочем, мне пришлось повторить эту фразу раз пять, прежде чем до француза в неприлично элегантной для стража порядка форме дошло, что прилично одетая дама с домашним ухоженным ребёнком (я пытаюсь увидеть нас его глазами) хотела бы стать беженкой в его стране. Я увидела, как в его глазах мелькнуло нечто, что совершенно точно отразило перемену в моих отношениях с внешним миром. Впрочем, корректный полицейский не стал слишком долго заморачиваться над своими впечатлениями и направил нас в ночлежку, где проводят первые ночи на французской земле беженцы всех рас и национальностей – маленькие жертвы великого переселения. Захлёстнутые этой огромной волной – цунами, они растеряны и потеряны, но при этом довольно цепки и практичны, как беспризорники у случайного огня.

Привокзальная ночлежка оказалась довольно уютным пристанищем. Расположенная в стене старого железнодорожного виадука, она как ласточкино гнездо над пропастью, ходит ходуном и скрипит, когда под мостом проносятся электрички.

Койко-мест на всех бесприютных не хватало, нужно было пройти тест, то есть, собеседование в кабинете у пожилой дамы, директрисы попечительского совета этого богоугодного заведения. Она была скорее строгой, чем милостивой, хотя и то и другое было так сложно в ней намешано, что без чтения «Человеческой комедии» Бальзака тут не разберёшься. Сухая, хорошо причёсанная мадам в элегантном брючном костюме разговаривала со мной с профессиональным оттенком лёгкого аристократического пренебрежения, к которому примешивалась, однако, доля некоторого любопытства. По её придиричьим взглядам на мою одежду я поняла, что хорошо одеваться для беженцев – неприлично. Когда после долгих расспросов на французском, английском, а также языке жестов нас запустили, наконец, в ночлежку, там

на крошечной кухне готовили себе сложно-ароматную пищу к ужину цыгане, албанцы, сербы. Услышав в этом вавилонском смешении языков армянскую речь, я обрадовалась, как будто встретила сестру родную.

Армянка Зина была с четырёхлетним сыном, толстым румяным мальчиком. Зина – полная, по-восточному солидная женщина, с ярко накрашенными губами, с причёской из химической завивки, с облупленным лаком на ногтях. Зина, как я поняла из её уклончивых рассказов, профессиональная беженка, она ездит по всей Европе, проживая то в одной стране, то в другой, пока не выгонят. Выгонят из Германии, едет в Испанию. Какую радость она находит в жизни такой, мне оставалось только догадываться.

После ужина (замороженные пакетики, разогретые в микроволновке) нас отвели в спальню, где стояли рядами около тридцати металлических коек. В душной комнате уже спали женщины и дети. Мужчины располагались в другом помещении. Я, хоть и устала, заснуть не могла, наверное, из-за цыганок, которые всю ночь мирно просидели в дальнем углу спальни, тихонько разговаривая между собой.

На другой день рано утром нас разбудили и отправили в префектуру, где мы с Митей отстояли огромную очередь, чтобы получить randevu в этой же самой префектуре. Нам назначили это *randevu*, так во Франции называются, оказывается, и деловые встречи, а не только любовные свидания, на январь. Сказали, что нам ещё повезло, так как обычное ожидание этого первого randevu для подготовки заявления и досье на отправку в ОФПРА³ – официальный орган, который занимается решением беженской участи – от 4 до 6 месяцев.

В префектуре, в этом столпотворении народов и смешении языков, до меня, наконец, дошло, в какое же дело я ввязалась, или, точнее, меня ввязала судьба. Столько страсти на лицах людей, добравшихся сюда на всех известных видах транспортных средств, включая самодельные плоты: из Африки, например, через море! Для всех этих людей в сером кусочке картона, временном удостоверении личности, которое они получают в префектуре заключены все надежды и мечты о нормальной жизни для себя и своих детей. И мы с Митей в этой толпе...

Митя меня насмешил в префектуре: в огромных очередях подрались две чернокожие женщины: одна обзвала вторую проституткой. Драка была жестокая: покуда прибежали полицейские, пролилась кровь из разбитых носов и расцарапанных лиц. Ключки кудрявых жёстких волос потом пришёл подмести с пола уборщик. Мой притихший сын мне сказал: «Я так пожалел эту тётю, которую побили!» Я машинально задала ему глупый вопрос: «Ну и как же ты пожалел её?» Митя ответил: «Я закрыл глаза и сказал: «Боже мой!»

Уже десять дней как мы живём во Франции, и нас пока ещё не определили ни в одно общежитие для беженцев. Мест нет. Как бы то ни было, всё-таки здесь мы в большей безопасности, чем в Москве. Это успокаивает меня.

Спасибо, Мария, ещё раз за всё, что вы сделали для нас, этого я никогда не смогу забыть.»

Анна написала это письмо вечером. К тому времени они жили с Митей в ночлежной гостинице, в которую запускали только на ночь. Это была уже вторая их ночлежка во Франции. Она была получше первой хотя бы потому, что им выделяли здесь отдельную комнату. А другие спали и в коридорах, на двухэтажных кроватях. Мест на всех не хватало: в Лион пришли морозы. Иногда ночью полицейские патрули доставляли сюда бомжей, подобранных на улицах. И тогда, ещё не умерив своих хриплых голосов с мороза, бомжи будили спящих, споря то с полицейскими, то с дежурным.

Однажды ночью Анна проснулась от ледящего душу крика. Так мог кричать только смертельно раненый человек. Выглянув в коридор, она увидела сцену: новопривезённый бомж орал и бился, не желая залезать на второй ярус кровати. Митя от этих воплей не проснулся.

Для пропитания им выдали талоны в бомжовскую столовую. Их места за столом оказались рядом с огромного роста албанцем, у которого все зубы были железные. Митя, как завороченный смотрел на эти клацающие железные челюсти, перемалывающие пищу, и отказывался есть.

Они должны были целыми днями находиться вне ночлежки, хоть на улице, и лишь под вечер их вместе с другими замёрзшими людьми, толпящимися у входа, запускали в ночлежную гостиницу. Чтоб не мёрзнуть, Анна вела сына в огромный торговый центр, расположенный неподалеку от гостиницы. В этом центре можно было гулять целыми днями. Многоэтажное здание с фонтанами, бутиками, зимним садом под стеклянной крышей сверкало разноцветной рекламой, гремело музыкой, завлекая посетителей.

Открывался центр в 9 утра, и Анна покупала себе и Мите горячий шоколад в автомате. Потом они шли посмотреть игрушки в огромный бутик, заставленный автомобилями, куклами, плюшевыми собаками и обезьянами в человеческий рост, но после истерики, которую Митя устроил у огромной оранжевой медведицы с медвежатами, отказываясь уходить без этого роскошного зверя, Анна огибала опасное пространство, не желая травмировать сына вынужденной аскезой.

После прогулки они шли в *Макдональдс*, где Митя быстро съедал гамбургер и бежал к детям в огороженное сеткой пространство для игр, до пота лазая по верёвочным лестницам или бросаясь с верхних ярусов вниз – на мягкие поролоновые матрасы. Анна пила кофе и пыталась размышлять о том, что же с ними будет дальше. Эти попытки заглянуть в будущее были напрасны: даже завтрашний день был глух и нем. У неё, умевшей слушать будущее, отказала способность принимать и понимать знаки. Понятие «*Чужбина*», оказывается, имело не только географический смысл... Анна начинала думать, что здесь действуют иные законы тонкого мира. Во всяком случае, чужбина говорила с ней на чужом языке.

Анна, засматриваясь на играющих детей, забывала обо всём, с любопытством иностранки наблюдая за французами, их жестами, их отношениями. Вот многодетная мама притащила сюда целую семейку – 3 детей: живые, подвижные, не капризные. Оставив младших детей под присмотром старшего брата – мальчика лет 10, женщина – сухая с усталым, морщинистым лицом, уходит делать покупки. Мальчишки, увлечённые игрой, не обращают внимания на её исчезновение.

Вот бабушка привела внучку – грациозную пятилетнюю девочку с задумчивым серьёзным взглядом. Ухоженная пожилая дама достала книжку и читает, девочка медленно, с остановками, направляется туда, где играют дети. По дороге она неожиданно получает крепкого тумака от толстого мальчишки-араба, но не плачет и не бежит к бабушке, а удивлённо рассматривает мальчишку, который показывает ей язык и опять толкает её. Девочка падает, зачитавшаяся бабушка отрывается от книжки и видит всю картину. Но не бежит к внучке на помощь, а внимательно смотрит на неё и на её обидчика, стараясь понять, что же внучка будет делать. Девочка хотела было расплакаться, но всё-таки встаёт и упрямо продолжает свой путь к играм. Когда её преследователь хочет ударить её в третий раз, она останавливается и кричит на него что есть сил. Мальчишка отступает, а её бабушка, пряча улыбку, возвращается к прерванному чтению.

Эта французская бабушка дала урок борьбы за выживание своей внучке. Наша русская бабушка давно бы прибежала и вмешалась – жалость победила бы всякие рассуждения о том, что детям нужно давать возможность самим бороться за своё счастье. «У французов более

холодная голова? Или у наших более горячее, нетерпеливое сердце?» – размышляла Анна не спеша – времени у неё теперь было вдоволь.

Утром пятого ночлега Митя заболел. На рассвете, почувствовав беспокойный сон сына, Анна прикоснулась к нему и её рука ощутила сухую страшную горячность его кожи. Еле дождавшись семи часов утра – времени появления администрации, она бросилась в кабинет заведующего и вымолила разрешение остаться с ребёнком на день в ночлежке. Хорошенько укрыв забывшегося беспокойным сном Митю, она побежала за лекарствами. В аптеке продавщица никак не могла или просто не желала понять её английского: высокомерно отодвинувшись, она рассеянно выслушала сбивчивые объяснения Анны. Эмоциональные клиенты, да ещё не говорящие по-французски, вызывают у местных лишь желание отодвинуться подальше. Зазвонил телефон и мадам вступила в долгую любезную беседу... Анна, не выдержав, вышла на улицу. Только через час поисков, на витрине невзрачной аптеки она заметила знакомый «эфералган»...

Митю рвало. Он побледнел и отказывался от еды. Анна пошла к директору и со слезами, которые неожиданно полились из её глаз градом, попросила вызвать врача. Когда пришёл врач, Митя спал. Мужчина, бросив быстрый взгляд вокруг, отметив старые одеяла, и обшарпанную мебель ночлежного заведения, с сочувствием посмотрел на Анну. Он попросил разбудить ребёнка и, осмотрев бледного осунувшегося мальчика, поставил диагноз – острая ангина.

- Вы давно здесь живёте? – спросил он по-английски у Анны.
- Почти неделю. Нас обещают перевести в общежитие для беженцев.
- Не думаю, что там будет намного лучше, – смягчил улыбкой своё пророчество врач.

Анна, видя всю грязь и убожество окружающей их обстановки, запретила себе быть безгливой. Однажды утром, проснувшись рядом с Митей, увидела, что он спит с открытым ртом, и при этом его губ касается край грязного одеяла: простыня, защищающая от прикосновения к этому липкому от грязи шерстяному одеялу, под которым спали бомжи, проститутки и алкоголики, сползла. Анна просто поправила простыню, запретив себе содрогаться от омерзения. Безгливость в её положении была роскошью, она могла, как мощный динамик из старой батарейки, высосать остатки энергии и лишиться её так нужного сейчас чувства внутренней правоты.

Она вспомнила, как муж учил её чувствовать прикосновение к разным поверхностям: ткани, металла, камня. Олег говорил, что нужно учиться видеть руками. Они гуляли в тот день по лесу, недалеко от дачи его отца на берегу Рижского залива. Высокие сосны, синее небо, безмятежность целого лета впереди и, как тогда казалось, – целой жизни – всё было напоено солнцем, его любованием, смехом, счастьем, рождением Мити.

Олег заставлял её прикладывать руки к шершавым стволам сосен, они казались ей кожей замеревших рептилий, давал ей потрогать большой и прохладный зелёный лист, в конце концов подал ей свой янтарный мундштук.

– Вот янтарь. Это просто кусок солнца, энергетика сумасшедшая. Прикоснись к нему с закрытыми глазами. Чувствуешь?

– Нет, просто гладкая поверхность.

– А я чувствую – медовуха в камне! Сладость на кончиках пальцев!

Тогда ей не удавалось видеть руками, а теперь она и не хотела ничего замечать вокруг себя. Иначе ей пришлось бы невыносимо среди запахов и прикосновений к пропитанным чужим потом шерстяным одеялам в ночлежке...

Из дневника Анны

«Сегодня утром я была в *Форуме Рефьюджи*⁴ – можно перевести как *Форум Беженцев* – организации, которая занимается устройством мигрантов. Пошла туда с ослабевшим после болезни Митей, не могла оставить его одного в ночлежке. Шли мы очень долго – уже две недели в Лионе забастовка общественного транспорта – не работают ни автобусы, ни метро. В конце концов Митя устал и запросился на руки. Я взяла такси, сунула под нос таксисту бумажку с адресом и минут через пятнадцать мы доехали до окраины, где в старом кирпичном здании располагается *Форум беженцев*. (Таксист взял с меня 100 франков. Когда возвращались обратно, я поняла, что от того места, где он нас посадил и до того, где высадил, не больше километра. Оказывается, лионские таксисты ничем не отличаются от своих московских коллег).

Форум рефьюджи был осаждён толпами людей, добивающихся общежития. Большинство из них – с маленькими детьми. Послушав разговоров в толпе, я поняла, что шансы наши переселиться из ночлежки в общежитие равны нулю – почти все беженцы ждут жилья несколько месяцев, приходя отмечаться сюда, в Форум, раз в неделю.

И самое главное в сегодняшнем дне: мне дают общежитие. Послезавтра мы переселяемся! Девушка, которая приняла нас, сказала, чтобы мы никому из беженцев об этом не рассказывали.. А нам – как сказала девушка – в порядке исключения дают быстро. Потому что у меня есть все документы. И потому что я мать-одиночка с маленьким ребёнком.

Я встретила там Зину с сыном – наших знакомых по вокзальной ночлежке: им общежития не дали. Она плакала, хотя вначале пришла очень энергичная, тискала сына, приговаривая: «Ты мамина радость, мамино счастье!» Мальчик улыбался ямочками на толстых щеках, и картина их счастья заставляла улыбаться пробежавших мимо сотрудников Форума. Зине посоветовали уезжать в Париж и поискать жильё в столице. А я знаю, что в Париже ситуация с беженцами ещё сложнее...

Нам тоже ведь вначале отказали – сказали, что нет мест. Но когда я выходила из кабинета, попросили подождать в коридоре. Я вышла спокойная: я почему то была уверена, что нам общежитие дадут. А Митя, услышав, что мест нет, упал на пол и закричал:

– А-а-а-а-а-а!

Он испугался сильнее, чем я. Наверное, вся эта атмосфера с ждущими, плачущими людьми на него подействовала. Бедный мой ребёнок! Скоро новый год! 2000! Каким он будет для нас?»

¹ Кантон Ури (нем. *Uri*) – немецкоязычный кантон в центральной части Швейцарии.

² Безансон (фр. *Besançon*) – город на востоке Франции в 60 км от границы со Швейцарией. Стендаль поместил в Безансоне часть действия романа «Красное и чёрное».

³ OFPRA – французское бюро помощи беженцам и апатридам (www.ofpra.gouv.fr).

⁴ Forum Réfugiés – некоммерческая ассоциация по приёму беженцев во Франции (www.forumrefugies.org).

Май 1998 года Рига, Латвия

*Дом Печати*¹ в Риге расположен на острове Кипсала². 20-этажное здание из стекла и бетона застыло на берегу Даугавы уродливым серым айсбергом. Советские архитекторы 70-х годов, кажется, пытались сделать что-то очень современное, позабыв о вечности. И как это всегда бывает, из-за зацепки за сиюминутность, здание очень быстро вышло из моды и стало неуклюжим памятником соцреализму. Из окон Дома Печати видны – за рекой – острые крыши Старой Риги – картонные декорации к спектаклю, который никогда не надоедает. Потому что в тех разноцветных домах с кривыми стенами ручной кладки ещё играет средневековая человеческая жизнь, не придушенная даже строгими архитектурными регламентами Тевтонского Ордена³.

Бар на первом этаже Дома Печати в конце огромного стеклянного вестибюля всегда заполнен посетителями. Сильный аромат свежемолотого кофе и свежее испечённых булочек приманивает журналистов, просителей, ходяков по редакциям, деловых людей. В баре уютно, а рядом, за стеклянными стенами, суета сует, журналистика как иллюзия сотворения мира: *«нет новости – нет события»*.

Анна спустилась выпить кофе. Она под села к столику, где известный журналист из Юрмалы Александр Трейч беседовал с Синтией Ладогиной – редакторшей нового гламурного журнала на латышском языке. Только что вышла вторая книга Трейча и он раскрыл на столике сигнальный экземпляр перед 35-летней блондинкой Синтией.

Все постоянные посетители кафе – журналисты, работающие в этом Доме Печати, играли в игру, незнакомую новеньким или посетителям. Эта игра называлась: «Посмотрите, с кем я сижу». Негласные правила этой игры оттачивались годами и любой журналист, известный своими демократичными статьями, был всё-таки вовлечён в её странно несерьёзный процесс: маститый редактор мог сесть за стол только с коллегой из той же весовой категории – известным журналистом или редактором из другого издания.

Эта табель о рангах имела исключения. Допускалось быть за одним столиком с молоденькой практиканткой или красивой коллегой женского полу, что могло навести на мысль о неких романтических отношениях, льстившую мужскому самолюбию прославленных журналистов или редакторов.

Анна тоже, сопротивляясь вначале, всё-таки приняла правила этой игры и всегда автоматически анализировала компанию людей, с которыми могла выпить кофе, не уронив в глазах окружения своего престижного положения красивой светской женщины, жены известного художника, знаменитой журналистки.

Для точного выбора оставалось не так много времени – ровно столько секунд, сколько их требовалось на путь от входной двери до столика. Нужно было ещё не ошибиться в полумраке цветных галогеновых светильников!

Синтия, кажется, была не слишком рада – всё своё внимание Трейч переключил на Анну, описывая теперь уже для неё все те многочисленные трудности, поджидавшие его новую книгу в типографии.

Секретарша из какой-то редакции прошла мимо, демонстрируя новые джинсы в обтяжку. У девушки были коротковаты ноги, она, по-видимому, это знала, надев сапоги на высоких каблуках.

– Ух ты! – покрутил ус Трейч, провожая девушку блеснувшим взглядом. – Это из вашей редакции?

– Что ЭТО? – подчёркнуто не поняла Анна.

– Красавица эта.

Анна полистала его книгу и наугад прочитала оттуда:

– «И что ещё оставалось делать ему? Лишь продолжать стынуть на этом ветру измен, согреваемому теплом своей запоздалой любви...»

– О! Как вы красиво это написали! – воскликнула Синтия.

– И как некрасиво он говорит о девушках!

– А как же Пушкин, – встал в позу известный журналист. – *Прошла любовь, явилась муза, и прояснился тёмный ум, свободен, вновь ищу союза* и так далее.

– Пушкин не называл женщин ЭТО, – парировала Анна. В этих кофейных спорах – она это точно знала – важен не смысл, а тон. Можно сказать любую глупость, но самоуверенно небрежным тоном.

– В книгах не называл, а в гусарском кругу и похуже у него с языка слетало, – так же небрежно отозвался Трейч.

На них уже начали оглядываться, кофе сегодня получался занятный, с живой дискуссией, что вызывало интерес у соседних столиков.

Оглянувшись на шум и увидев Анну, Елена Власова – редакторша приложения «Синема», подседа к ним.

– Ты уже читала журнал «Пулл»?

– А почему я должна его читать? – Анна не любила Власову за вкрадчивость манер.

– Как? Ты не знала, что там опубликовали рейтинг самых талантливых восточноевропейских художников? И про Олега тоже написали.

Анна сделала преувеличенно удивлённое лицо, а Трейч поспешил сказать:

– Я был на последнем вернисаже твоего мужа – это было что-то потрясающее.

Власова не осталась в стороне:

– Да, на творчестве её мужа уже сделали себе имя несколько европейских искусствоведов.

– В «Пулл» написано, что крупные европейские галереи стоят в очередь за его работами.

И про тебя там тоже есть, – с заметной завистью сказала Елена Власова. – Все женщины в его работах похожи на его жену – Анну.

– Ну, дай, пожалуйста мне, я хочу прочитать сама, – сказала Анна, и Власова протянула ей разноцветный блестящий журнал.

– Прочти вслух! – попросил Трейч, и Анна с некоторой долей иронии прочитала:

– Культовый художник Олег Бревис.

«В его гардеробе царит бренд *Sisley* – удобный, практичный исключительно из натуральных тканей. Обожает охотничий стиль без намёка на орнамент, хотя к самой охоте как истинный пацифист равнодушен. При выборе одежды доверяет собственному вкусу – предпочитает неделями мысленно подбирать гардероб, после чего решительно покупает всю коллекцию сразу. В мужских пристрастиях не оригинален – любит дорогой табак, *spiritus* и женщин. Женщинами любит, используя своё положение художника, всю жизнь лепит собирательный образ самой прекрасной дамы, черты которой всё чаще, если судить по его последней выставке в Вене, находит в своей жене – русской красавице Анне. Замечен в приготовлении изысканно простых блюд из дичи и баранины.»

– А где вы обычно ужинаете? – спросил Трейч, я тоже обожаю дичь...

Анна не успела ответить.

– Анна, тебя *ответсек*⁴ ищет – там что-то срочное, поднимись, пожалуйста в редакцию, – подбежала к их столику Света – секретарша Аниного шефа.

Анна поднялась наверх, суховаато выслушала новое задание – разобраться с какой-то инсулиновой проблемой. Ответсек дал ей номер телефона и адрес, по которому её уже ждали. Анна не собиралась сегодня уже отлучаться из редакции, вечером они с Олегом ужинают в Юрмале вместе с его другом, но ответсек сказал, что это задание – вопрос человеческой жизни и смерти.

В Старой Риге она быстро нашла нужную улицу и дом, но не могла найти место для парковки. Наконец, кое-как пристроив машину, она направилась по нужному адресу.

В трёхэтажном доме XVI века, который был поделён на квартиры при советской власти, на втором этаже ей открыли дверь, – и на площадку вырвался запах лекарств – корвалола, валерьянки.

В дверях стояла заплаканная полная женщина.

– Я из редакции, Анна Журавлёва. Это же вы звонили нам?

– Да, это я звонила. Меня зовут Демидова Нина Павловна.

– Очень приятно.

Женщина осмотрела Анну с ног до головы – всё в журналистке: косметика, волосы, дорогая куртка из неведомой кожи, туфли и сумка – выдавало человека из другого круга.

«Богатые люди нас не поймут», – подумала, поджав губы, женщина.

Анна осмотрела квартиру – старые но хорошо сохранившиеся обои, полированная стенка, литовский телевизор, тахта под пледом местного рижского производства – какая-то советская тоска и безысходность во всём этом. Да ещё хозяйка так зажалась. Если бы это посещение у неё было запланировано, оделась бы попроще. Редактор однажды во время планёрки сказал, не обращаясь ни к кому:

– Когда собираетесь на интервью, не разряжайтесь, понимаешь, *эт само*, как на бал. У многих людей сейчас такая суровая жизнь, а тут вы со своими бриллиантами, понимаешь... (их редактор был косноязычен).

Все поняли что он имеет в виду её – Анну Журавлёву, которой не хватало времени с утра выбрать стиль.

Между ней и хозяйкой моментально пробежал холодок.

Анна достала фотоаппарат из сумки.

– А что вы хотите фотографировать? – сдержанно спросила Демидова.

– Ну, сейчас посмотрим, что – столик с лекарствами, пустой шприц, вашего мужа – нужно иллюстрировать такие вещи.

– Вы лучше заведующую аптеки сфотографируйте, – попросила женщина. – Эту фашистку, перед которой мы на коленях вчера стояли, просили нам продать инсулин хоть за доллары.

– Вообще-то инсулин бесплатно должны давать?

– Бесплатно всегда давали. При советской власти.

– А почему она вам отказала? Он вообще у них есть в аптеках? Мы писали недавно, что запасы инсулина в рижских аптеках ограничены.

– Она сказала, что инсулин есть, но из-за дефицита его теперь будут выдавать только гражданам Латвии.

– А те диабетики, которые русские, пусть...

– Да, пусть погибают – вчера так почти она и сказала нам.

Анна сфотографировала со спины её мужа – полного пожилого человека, дремавшего после обеда в спальне на разобранной двухспальной кровати. Столик возле его кровати с пузырьками и коробками лекарств. Люстра в спальне была похожа на люстру в маминой квартире и это как-то смягчило внутренне закрывшуюся вначале Анну.

Нина Павловна тоже, почувствовав эту перемену, разговорилась, шелестя документами, справками, доказывающими долгую историю отношений её мужа и диабета. Она не сомневалась, что на этот раз – при журналистке – директор аптеки не откажет.

«У людей ещё жива вера во всесильность прессы», – подумала Анна. У неё самой уже такой веры не было.

– Пойдёмте. Пока ваш муж отдыхает, попробуем добиться вместе.

В аптеке была очередь. Анна показала удостоверение «Пресса» продавщице и прошла за стойку в кабинет заведующей. Демидова осталась в зале.

Заведующая сразу начала объяснять что-то на латышском, которого Анна не знала – не успела выучить, 4 года назад приехав в Ригу из Москвы.

– Я не говорю по-латышски, – извинилась Анна, но её собеседница не собиралась переходить на русский. Анна, как всегда в таких случаях, перешла на английский, что вызвало бурю возмущения на лице у стареющей сухопарой женщины.

– Я у себя дома! – на прекрасном русском, почти без латышского акцента, произнесла она.

– Но английский – язык международный, – ответила Анна и не давая ей опомниться сразу спросила на русском:

– Вчера в вашей аптеке отказали в выдаче инсулина человеку, который не может жить без инсулиновых инъекций. Как это вообще возможно?

– В нашей аптеке запас инсулина подходит к концу. Раньше он поступал к нам из Москвы, сейчас этот канал уже не функционирует, а для того, чтобы сделать закупки инсулина в Европе, нужна валюта, которой, как вы понимаете, у нас нет. Поэтому по постановлению Рижской мэрии инсулин выдаётся только гражданам Латвии при предъявлении справки от врача.

– А русские диабетики что должны делать? Вы же знаете, что почти всем русским жителям Латвии гражданство до сих пор не дали. Значит, это можно назвать так: «Медицина на службе у национализма». Русские диабетики будут умирать в своих постелях? Что им делать, госпожа заведующая? Как можно отказать человеку в праве на жизнь?

Заведующая под напором этих вопросов сжалась, но уступать не собиралась.

– Если мы не можем обеспечить инсулином всех, то поможем в первую очередь гражданам своей страны. Так не было, пока инсулина хватало. Но сейчас у нас его и правда нет. У меня на складе осталось 3 коробки – это на 30 человек. А у нас каждый день по 10 человек приходит за этим лекарством.

– Я сейчас была в квартире у Демидова, которому вы отказали вчера в инсулине – он уже слёг. Если вы не продадите ему инсулин, он умрёт. Может быть, сегодня. Немедленно выдайте для него хоть немного инсулина, чтоб не случилось трагедии, а мы в это время что-то должны придумать.

– Это кто, ваш родственник? – заколебалась заведующая.

– Да! – соврала Анна.

– Хорошо, один раз в исключительном порядке.

Анна пошла за Демидовой, которая трясущимися руками, но сохраняя достоинство, полезла за рецептом в кошелёк.

Получив инсулин и выйдя из аптеки, Демидова выглядела уставшей и вовсе не радостной:

– Это Жене на неделю хватит. А потом что? Не можем же мы за каждой упаковкой в редакцию звонить.

– У вас есть родственники в России? Нужно просить их выслать с поездом, – предложила выход Анна.

– Я уже позвонила сестре в Ленинград, она обещала прислать.

– Пусть пришлёт побольше. А сейчас хоть на неделю ему хватит. Мы тоже об этой проблеме дадим материал. Может возьмём под контроль редакции.

– Да, спасибо, большое вам спасибо! Я сейчас иду делать инъекцию – он уже пропустил одну.

Анна решила не возвращаться в редакцию – вечером там уже никаких дел у неё не было. Она поехала в салон к Расме, чтоб сделать свежее лицо на вечер. Расмочка – так ласково звали клиентки добродушную миниатюрную косметологиню, славившуюся на всю Ригу и Юрмалу своими гуттаперчевыми руками, уложила её на белоснежную кушетку под холодный пар, ароматизированный неведомыми травами. Слегка почистив лицо и освежив его 2 масками – зелёной и белой, Расма сделала Анне свой знаменитый массаж, после которого всем, кто хоть раз его заказал, хотелось летать. Массируя лицо, плечи, шею, Расма отдавала своим клиенткам столько тепла и умения, так старалась над каждым сантиметром, что после этого массажа кожа светилась.

Затем Расма, как фокусник, сказала: «Сейчас!» – и вынесла свой чудо-крем, который как крем Маргариты из *Мастера* творил такие вещи, – кожа начинала матово светиться и даже самые мелкие морщинки под глазами исчезали.

Анна, отдохнувшая и посвежевшая, с изысканным макияжем, наложенным на её отполированную процедурами кожу, была настолько хороша, что даже Расма загляделась на дела рук своих, невольно улыбаясь своей клиентке, избалованной жизнью, молодой, красивой женщине – жене богатого человека. Завидовать Анне было невозможно – можно было только любить её – небожительницу, незнакомую ещё с трудностями и бедностью, из которых всю жизнь пришлось выбиваться ей – Расме.

Приехав в молодости из маленького городка в Ригу, Расма работала по санаториям на Юрмальском побережье, едва вытягивая двоих детей после развода с пьяницей-мужем. После перестройки, работая в шикарном салоне, Расма, экономя каждую копейку, три года копила денег на свой маленький салон, но так и не накопила. Пришлось брать кредит и заложить квартиру, чтобы купить помещение и оборудование. В этот салон, расположенный на маленькой зелёной улочке в не самом центре Риги, приходили её личные клиентки, для которых она делала на заказ кремы и составляла программу детоксикации – этот курс она недавно прошла в Швеции. Постепенно Расма перестала сама работать массажисткой, набрав молодых косметичек. Но для некоторых клиенток она всегда делала исключение. С Анной Расма всегда работала лично. Потому что, когда в первый раз она не набрала денег, чтобы выплатить банку нужную сумму, именно Анна и ещё две другие клиентки одолжили ей деньги. Все эти дамы были русские, ни одна латышская клиентка не одолжила Расме ни копейки, хотя в те дни все видели, что Расма ходит, как в воду опущенная, мучимая воображаемыми ужасами выселения из своей небольшой квартирки в Задвинье⁵.

Анна всегда каким то точным наитием выбирала себе парикмахершу или косметичку, предпочитая талантливую и увлечённую мастера-одиночку имперсональному обслуживанию в крупных фирменных залах, поражающих завитринной роскошью обстановки и аппаратов. Расма была тот самый тип мастера-одиночки, добивающегося совершенства постоянным трудом. Поэтому Анна и поддержала её салон в самые трудные времена. И никогда не пожалела

об этом, – Расма платила ей материнским уходом, замечая и ликвидируя любую проблему вовремя: сухость ли кожи в морозное время, усталость век ли от постоянной работы за компьютером.

– Как поживает ваш муж? – спросила Расмочка на прощанье. – Мой сын видел его по телевизору недавно.

– Как всегда, – сидит в своей мастерской, – ответила Анна, набирая номер няньки своего двухлетнего сына.

– Иветта, как дела?

– Мы сейчас гуляем, скоро вернёмся домой, Митя сегодня целый день капризничает немного.

– Я сейчас приеду, – ответила Анна. Она видела сына утром, ей хотелось его поцеловать на ночь.

Приехав минут через 10 домой, она застала его уже спящим. Няня – немолодая женщина, нанятая Анной по рекомендации, сидела рядом в кресле и читала женский журнал при свете ночника.

– Только что уснул, – прошептала Иветта.

Анна любовалась на маленькие ручки, полуоткрытый рот сына, которому недавно исполнилось два года, принюхивалась к сладкому запаху своего детёныша и не удержавшись, погладила его по тёплой спинке.

Митя от её прикосновения разулыбался во сне, узнав материнское прикосновение.

Вечеринка с однокурсником Олега по *Академии Художеств*⁶ в Питере Володей Поповым и его женой Мариной была назначена на 20 часов вечера. Анна опаздывала, но так как не она была главным действующим лицом этой встречи, она не спешила особо, наслаждаясь не быстрой ездой с открытым окном по лесной Юрмальской дороге, вдыхая запахи пряной сосновой смолки, настоявшейся тёплым, но дождливым днём. Асфальтовое шоссе с вековыми огромными соснами – почётным караулом по краям – блестело под мелким дождём. Анна, взвешенная в этой нирване, вдруг подумала, что скоро всё это кончится. Просто кончится всё хорошее в её жизни...

Она испугалась этой мысли, неожиданно приплывшей в её сознание невесть откуда, прогнала её, но лёгкий осадок страха всё же остался, подтачивая её детскую нераненность и безоглядность в жизни – все качества, которые делали её счастливой. Через некоторое время, оглядываясь в прошлое, Анна знала, что именно с того вечера из неё начало уходить то, что было у героев её любимого писателя Германа Гессе: какое-то «наперекор», какое-то презрение к смерти, какая-то рыцарственность, какой-то отзвук сверхчеловеческого смеха, бессмертной весёлости...

Когда Анна приехала в клуб, все трое – Олег, его друг Володя Попов с женой Мариной, прилетевшие вчера из Парижа, уже сидели в отдельном кабинете, потягивая аперитив. Володя – высокий, с открытой улыбкой, за которой стояла уверенность в своей жизни, был одет очень просто для такого места: мятые серые брюки и сине-серый пуловер. Но он, по-видимому, не смущался особо, вольготно расположившись в кресле на террасе с бокалом в руке. Володя Попов постоянно жил в Париже, лишь наездами бывая в России. Его работы висели в крупных галереях мира, но при этом Володя оставался симпатичным простым парнем, умудрившись не потерять друзей при своей сногшибательной карьере мировой знаменитости.

Марина – его жена или подруга – эта молодая женщина была бы совершенно неприметна, если бы не какая-то нерусская угловатая грациозность в движениях и красивая, немного сделанная, как показалось вначале Анне, улыбка. Невысокая Марина была одета с недоступным пока пониманию Анны французским шиком: на голове у неё был маленький пёстрый беретик а-ля 30-е годы, маленькое чёрное платье украшала простая «бабушкина» брошь.

На их фоне Олег со своей любовью к элегантности и Анна, помнившая, что идёт на встречу с людьми, приехавшими из Парижа, были одеты чересчур по-вечернему. На нём был чёрный костюм и серая рубашка. Анна надела вечернее платье из Италии, купленное в Милане в *бутике Валентино*⁷ – коричневый шёлк и чёрные кружева. К платью ещё полагались длинные перчатки, но Анна забыла их дома и теперь была рада этому: перчатки были бы уж лишними в такой демократичной, как оказалось, обстановке.

Терраса этого кабинета выходила на закрытый садик с бассейном и плещущимися в нём золотыми рыбками. Анна с Мариной по деревянному настилу приблизились к барьеру и некоторое время постояли там, рассматривая игру рыб в подсвеченной воде.

– Можно загадать желание, – тихо сказала Марина.

Марина говорила с сильным акцентом: родилась и выросла она во Франции, в семье русской эмигрантки и француза.

– Давай загадаем, – предложила Анна.

– Я уже загадала, – засмеялась Марина.

– А я ещё нет. Не могу выбрать самое важное.

Вспомнив про напугавшую её в дороге мысль, Анна закрыла глаза и обращаясь ко всем золотым рыбкам, тихо плещущимся в цветной воде, попросила:

– Пусть ничего не меняется. Пусть всё остаётся, как есть, в моей жизни.

Олег позвал их:

– Дамы, возвращайтесь за стол – уже принесли закуски. Мы голодные!

Пока вышколенные, высокие, все как на подбор блондины, официанты расставляли закуски и разливали вино, мужчины всё не могли закончить тему, которая заводила их сильнее всего:

– Есть такой популярный художник Марк Костаби⁸, – пробуя салат, рассказывал Володя. – Он американец эстонского происхождения. Так он гордится тем, что к картинам вообще не прикасается: просто командует, иногда даже по телефону. У него несколько мастерских, он говорит, что нужно сделать, какие должны быть идеи. В Москве группа художников-«негров» выполняла его заказ, а он потом приехал и подписал картину. Этот человек считает, что самое главное для картины – идея. На этом он выстроил целую фабрику, целый мир Костаби. Печатаются громадные монографии, он продаётся на крупнейших аукционах.

Олег пожал плечами:

– А с другой стороны, на сегодняшний день так легко создавать «шедевры», что никакой «негр» уже не нужен. Берёте палку, заматываете её в грязный носок и несёте в галерею. Если вы попали в правильную галерею, понравились нужным людям, то через некоторое время будете ведущим скульптором Москвы и ваш бред будет продаваться за миллионы.

– А чем занимаетесь вы, Марина? – спросила Анна у скромно молчавшей гостьи из Франции.

– Я пишу книги об экологии. Представитель от *партии зелёных*⁹ в мэрии 16 округа Парижа.

– Экология меня тоже очень интересует. Если бы мы разобрались уже с политическим устройством в маленькой, но гордой стране Латвии, я бы занялась этой темой.

– А что у вас с политикой? Вы же теперь живёте в независимой стране, – заинтересовался Володя.

– В которой русская диаспора – почти половина населения – не имеет никакого гражданства, – продолжила Анна. – Только унижительный штамп в советском паспорте: «Житель».

– А у вас есть гражданство?

– Нет, у нас тоже этот самый штамп. Но при этом картины Олега висят в национальном музее живописи и его имя уже увековечено в *Энциклопедии латышской живописи*.

– Да, – задумалась Марина. – На уровне культуры нет у человечества таких лимитов, как в политике.

– А как с этим делом в Литве и Эстонии? – удивлённо поднял брови Володя.

– В Литве – нулевой вариант: там дали гражданство всем русским, проживающим в Литве на момент принятия независимости. Кстати, Литва сегодня идёт лучше всех трёх прибалтийских республик с экономической точки зрения. А вот Эстония и Латвия считают русских «оккупантами» и дают гражданство только тем русским, чьи предки жили в Латвии до 41 года.

– Их обиды можно понять, – мягко сказал Марина, чтоб не обидеть разгорячившуюся Анну.

– Ну мы их прекрасно понимаем! – раскрасневшись лицом после бокала вина, громко доказывала Анна. – А они почему-то не хотят. И опять идёт насилие над судьбами людей, теперь уже русских людей! Какие же «оккупанты» эти русские рабочие, о которых я писала недавно статью! Приехав сюда по разнарядке в те времена, когда это была одна страна СССР, эти люди всю жизнь, по 25 лет проработали на рижских стройках и заводах, а сегодня их с семьями выселяют на улицу из старых бараков, в которых они прожили всю жизнь в ожидании квартир, но так и не дождавшись! Или...

Володя смотрел на Анну и думал о том, что он уже отвык от такой резкой эмоциональности русских женщин.

– Аня, хватит загружать! Это только я такой терпеливый, что могу слушать твои байки день и ночь! – рассмеялся Олег. – Я ей говорю, уходи ты из редакции, сиди дома, пиши книги, занимайся чем твоей душеньке угодно...

– Да ты же знаешь, я не смогу усидеть дома.

– Ну, а так я не могу от того, что моей жены никогда нет дома, что мой ребёнок видит целыми днями только толстое глупое лицо няньки, – Олег внутренне начинал горячиться, хоть старался говорить спокойно.

– Моя жена меня тоже загружает, – вступился за Анну Володя. – Говорит, что скоро конец света наступит.

– Вот пройдите по магазинам, – встрепенулась Марина, как боевая лошадь при звуках полковой трубы. Посмотрите, сколько вещей – синтетических, крашенных, невероятных расцветок продаётся в бутиках и супермаркетах. И женщины ходят, рассматривают, не покупают – каждая ищет чего-то особенного. Вкусы меняются, делаются изысканнее и тоньше, а производители травят воду и воздух, производя всё новые и новые окраски, ткани, чтобы угодить потребителям. Наступит однажды такой день, когда на Земле не останется ни одной капли свежей чистой воды!

– Господи! – взмолился Олег. – Да что же это такое! Собрались с друзьями посидеть спокойно это называется. Всё, Федя, дичь! – крикнул он метрдотелю, заглянувшему на шум из-за приоткрытой двери. И стараясь увлечь всех, он неподражаемо вкрадчивым тоном начал:

– Здесь повар работает из Канады – латыш канадский. Этот мужик всю жизнь собирает рецепты приготовления диких косуль или кабанов. Такие блюда, которые уже никто никогда не попробует! Древнейшие рецепты! Королевские или там викингские. Косуля на вертеле!

– Я не буду кушать косулю, – сказала тихо Марина, но все её услышали и после паузы раздался взрыв смеха. Смеялись все: Олег, Анна, Володя и сама Марина – до слёз, до опустошения.

– Ой, я ведь не знал, когда в этом клубе ужин планировал, Володь, что твоя жена – *зелёная*, – вытирал слёзы Олег.

На другое утро Анна должна была поехать в редакцию, но она проспала планёрку. Кроме того, ещё ночью Олег всех пригласил на отцову дачу в лесах Гауйи¹⁰. Его отец Вадим Бревис снимал кино в Германии и его дача стояла пустая.

– Я бы должна поехать всё-таки в редакцию, – вяло попыталась сопротивляться Анна за утренним кофе. Олег хмуро посмотрел на неё, – его вчерашнее веселье уступило место сонной хандре:

– Никуда ты не пойдёшь. Я вообще позвоню твоему редактору, что ты больше не работаешь в этой газетёнке.

– Ой, опять! Ты не уважаешь мою работу – я знаю, но хоть немного уважения к единственной нормальной русской газете могу я от тебя ждать! Я же не смогу сидеть дома! Для чего мне превращаться в тоскующую богатую дамочку, если я обожаю свою работу! Я даже запах редакции обожаю!

– Дерьмом пахнет ваша газетка! Жёлтым дерьмом!

Анна неожиданно для себя расплакалась:

– Ну каждый день одно и то же! Ой как мне это надоело!

– А ты сама виновата. Я тебе сто раз говорил: не люблю я энтузиасток. Они мне смешны.

– А чем они тебя, бедные, так рассмешили?

– Своей наивностью и бессодержательностью. Наивно веря, что могут своими судорогами изменить этот мир, они на самом деле не имеют ничего за душой. Убери от них подальше все проблемы внешнего мира, они просто умрут от скуки. Мне нравятся женщины, которые умеют наполнить собой пространство без слов.

– Ну и что ж ты не ищешь себе такую женщину!

Разговорившийся скандал предотвратил телефонный звонок: Володя и Марина подъезжая к их дому, уточняли адрес.

Он приехали через несколько минут, за это время Анна успела подкрасить глаза, чтоб не было заметно покрасневших век, а Олег переоделся из халата в кожаные джинсы и ветровку, чтобы ехать за город. Погода совершенно испортилась: шёл дождь и мокрый ветер трепал деревья за окнами.

Пока гости входили в дом и рассматривали его, нянька привела Митю.

– Ой, какой мужик у вас растёт! – поздравил Володя, а Марина неумело погладила ребёнка по щеке. Трёхлетнему Мите не понравилось, он сурово посмотрел на гостей и потянулся к матери. Всем стало чуть неловко.

– Значит, презрев эту погоду, едем! Мы затопим камин и выпьем вина из отцовского погреба. Он со всего света навозил себе коллекционных вин, – с энтузиазмом сказал Олег. И Анне опять резанули ухо его непривычно бодрые нотки. У неё складывалось такое впечатление, что он как будто немного заискивал перед гостями: Володя уже стал мировой знаменитостью, а Олег пока только европейской...

Марина осматривала двухэтажный дом, в правом крыле которого располагалась гордость Анны: крытая терраса, оформленная в стиле испанского сада с чашами. Гостиная с настоящим камином с тяжёлой чугунной решёткой, витражами в окнах, давала ощущение средневекового

замка. Кухня – длинный дубовый стол, стулья с высокими резными спинками, открытый очаг – была срисована Олегом в одной уютной trattoria на юге Италии.

– Ничего себе! – удивлялся Володя.

– Какой смешанный и очень уютный стиль у вашего дома, – сказала Марина.

– Этот дом достался Олегу от бабушки. Просто повезло, что он оказался в таком месте.

Сегодня *Межа-парк*¹¹ – престижный район, как Рублёвское шоссе в Москве. А в советские времена – Олег рассказывал – сюда только один трамвай ходил.

– А дом был очень обычный. Мы его перестроили. Олег сам всё нарисовал с архитектором: сделали террасу, сад, – вежливо объясняла Анна гостям. Она думала о том, что нужно бы позвонить в редакцию – предупредить хотя бы, что она не придет сегодня.

– Извините, Марина, я вас оставлю на минутку, – Анна вышла в другую комнату.

– Здравствуй, Светочка, соедини меня пожалуйста с Александром Григорьевичем. Ну тогда с Гришиным. Серёжа, привет! Я не смогу сегодня быть в редакции – приехали наши друзья из Франции, мы везём их на дачу, прикрой меня, если что...

– Ань, ты бы хоть заранее позвонила – тебя тут ответсек искал – он даже звонил тебе, кажется!

– А что случилось?

– Умер один товарищ, к которому ты вчера ходила.

– Демидов!

– Да, да, Демидов...

– Всё, Серёж, пока!

Пока Анна лихорадочно искала номер телефона Демидовых, в дверях появился Олег:

– Ну, мы тебя вообще-то ждём-с!

– Одну минуту! Пожалуйста, одну минуту! – замахала она на мужа. Набрав номер и услышав чей-то приглушённый, тихий голос Анна положила трубку: почувствовала, что не может по телефону расспрашивать о том, что случилось и почему умер этот человек. Нужно было ехать туда самой.

– Олег, – тихо сказала она, – можете поехать без меня? Я вас догоню через полчаса. Мне очень нужно заехать по одному адресу.

– А хочешь, вообще не ездь с нами? – разозлился муж.

– Понимаешь, я вчера помогала одному человеку, а сегодня он умер, – тихо продолжала Анна.

– Ну и что, причём ты-то? Может его машина сбила или он уже давно болел? Ты какая-то убогая энтузиастка, пионерка, блин! Меня уже тошнит от твоих дел. Или ты едешь сейчас с нами или вообще не приезжай. Мы после дачи поедem ужинать на корабле... там будут модели из *Rigas Modest*¹², я с радостью побуду свободным господином!

Все эти слова Олег выговаривал тихим голосом, чтоб его не услышали гости, отчего его угрозы приобретали особую зловещесть для его жены. И она сдалась:

– Хорошо, поедem все вместе на дачу. Всё равно я уже ничем не смогу помочь этой семье... Хотя могла бы помочь другим таким больным. Срочно написать про эту проблему...

– Ой, Ань, не бери на себя только роль *парки*, перерезающей нить жизни. Журналистика сегодня теряет свою роль правой руки партии и государства и становится просто развлекаловкой. Ничем ты уже никому не поможешь. Давай, вытри слёзы, я тебя люблю. Иначе уже давно бы перестал бы бороться с тобой.

Через год, уезжая из Риги, Анна вспоминала тот день на даче и ужин на корабле, когда Олег пригласил на танец красивую высокую девушку-латышку, супер-модель Ингу, чьё лицо смотрело почти с каждой обложки глянцевого журнала. Девушка была настолько хороша, что всем в её присутствии становилось немного грустно...

¹ Дом Печати в Риге – в настоящий момент здание пустует; на первом-втором этажах бывшего типографского корпуса располагаются магазины.

² Остров Кипсала (до 1919 рус. *Кипенгольм*) – район Риги на одноимённом острове, площадью 1,975 км². В начале 2000-х годов в период бума на рынке недвижимости Латвии остров Кипсала позиционировался как рижский Манхэттен – место многоэтажной застройки.

³ Тевтонский Орден (лат. *Ordo Teutonicus*) – германский духовно-рыцарский орден, основанный в конце XII века. Под протекторатом Тевтонского Ордена Ливония находилась с 1492 по 1561 гг.

⁴ Ответсек – ответственный секретарь редакции; в СМИ относится к категории руководителей.

⁵ Задвинье (латыш. *Pārdaugava*) – общее наименование левобережья Даугавы (Западной Двины) в Риге.

⁶ Академия Художеств – сейчас Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Ведёт свою историю от Императорской Академии Художеств. Основан в 1757 году.

⁷ Валентино – известный итальянский дизайнер одежды, основатель модного дома *Valentino*.

⁸ Марк Костаби – *Калев Марк Костаби* (род. 1960, Лос-Анджелес) американский художник эстонского происхождения.

⁹ Партия Зелёных – одна из целого ряда экологических французских политических партий.

¹⁰ Гауйя (или Гауя) – самый большой национальный парк в Латвии. Этот район иногда называют «Ливонской Швейцарией».

¹¹ Межа-парк (латыш. *Mežaparks*) – правобережный микрорайон в Риге, расположен на берегу озера Кишэзерс.

¹² «Ригас Модес» – одноимённый рижский Дом Моды и ателье. Во времена Советского Союза пользовался популярностью.

Через год. Май 1999 года Рига, Латвия

В тот день вышло её интервью с Марисом Клявиньшем – главарём нацистских формирований латвийской молодёжи. На фото, помещённом редактором на первую полосу, нацисты маршировали в чёрных мундирах по Старой Риге, чёткостью строя и высокими ботинками мучительно напоминая фашистов времён второй мировой. Анна задавала вопросы о планах организации, о законности их вооружения, о преимуществах программ наци, а молоденький краснеющий латыш Марис Клявиньш старался казаться воинственным и сдержанным, отводя глаза от её мини-юбки. Сегодня на планёрке разбирали этот материал и толстый и ироничный Женя Закерман – вечный оппонент Анны, впервые признал, что материал Журавлёвой сделан бесстрашно. Ей даже поаплодировали несколько человек.

Весь день Анна ходила именинницей, а после обеда в её кабинете раздался телефонный звонок, и она услышала красивый глубокий женский голос.

Латышский акцент был несильным, прибавляя шарма невидимой собеседнице:

– Я бы хотела поговорить с Анной Журавлёвой.

– Это я, добрый день.

Девушка сделала паузу:

– Это Инга Висконя. Понимаете, Анна, я должна вам объяснить одну вещь, которая может причинить вам боль.

– Говорите, – напряглась Анна.

– Я читаю ваши статьи, я думаю, что вы – сильная женщина, и для вас будет лучше узнать правду, даже если это тяжёлая правда.

– Ну, говорите же...

– Мы с Олегом уже давно любим друг друга. Между нами очень сильное притяжение: и физическое и интеллектуальное.

Девушка помолчала, ожидая ответа. Анна тоже молчала.

– Он мучается, потому что он никогда не бросит вас и сына. Но и меня тоже он не может оставить. Он уже пытался несколько раз меня бросить. И всегда возвращался. Я тоже хотела его бросить, потому что я устала так жить, собиралась уехать в США в одно крупное агентство, но я... я тоже не смогла.

«Вот и всё», – подумала Анна. Она давно чувствовала, что её муж изменился, и несколько раз пыталась пробить его закрытость сначала разговорами, затем слезами, криками. Но ничего не помогало. В их жизни что-то безвозвратно закончилось.

– Алло? Вы меня слышите? – забеспокоилась девушка в телефоне.

Анна бросила трубку.

Она зачем-то вышла из кабинета, прошлась по редакционному коридору, стрельнула папиросину у удивлённой уборщицы – вечно пьяной латгалки Аннушки, помяла протянутую ей «Приму», понюхала её и с отвращением выбросила. В таком виде её застала Власова, выглянувшая из своего кабинета и спросившая:

– Кофе пойдём пить?

– Нет, спасибо, Лен, я не хочу, – собравшись с последними силами и даже пытаясь изобразить улыбку, ответила Анна, глядя прямо в глаза Власовой. Та, что-то почуяв, долго смотрела ей вслед.

Затем вернулась в свой кабинет и закрылась в нём на ключ. На столе лежала бумажка – письмо, которое она получила утром с редакционной почтой: «Русская свинья Анна, возвра-

щайся на Родину. Родина мать тебя зовёт!» Буквы были вырезанными из русских газет... Таких писем она получила уже сотню... Как и многие журналисты из русских газет в Латвии. И она уже перестала обращать на них внимание. А сейчас ей вдруг показалось, что буквы стали кривляться перед ней – злобные и холодные, приклеенные на бумагу чьей-то рукой. Анна уронила голову на это письмо и заплакала.

До глубокой ночи она сидела в своём кабинете, не зажигая света. У неё не было сил спуститься вниз, завести машину и поехать домой.

Больше всего не хотела вернуться домой и увидеть лицо Олега. Она слышала, как разошлись все сотрудники, как Аннушка гремела ведрами, намывая пол в коридоре и в соседних кабинетах. Прислушиваясь к каждому звуку, она напрягалась при продвижении уборщицы к двери своего кабинета. Та прогремела ведром совсем рядом, дёрнула закрытую дверь, ругнулась, и ушла мыть туалеты вглубь коридора.

Анна сидела в кресле у стола и смотрела в окно. Через мост ездили автомобили, их шума не было слышно с 13-го этажа... За рекой красиво подсветились крыши и башенки Старой Риги. Полная луна зависла над шпилем Святого Якова – приторная декорация к мелодраме, в которой Анне досталась не вызывающая сочувствия даже у неё самой роль обманутой жены.

Телефон она отключила, чтоб никто и ничто не мешало ей вспоминать.

Они познакомились с Олегом в поезде *Рига – Москва*. Она уезжала домой после летней практики 4-го курса, он с другом ехал в Москву на выставку русских авангардистов начала XX века. Она ему не понравилась, он ей тоже, но когда она вернулась в Ригу на преддипломную практику через полгода, и позвонила ему чтоб сходить на выставку или в музей, он показался ей очень тонким, добрым, талантливым человеком. Она неожиданно влюбилась в него. Он тоже потерял голову недели через две после простых совместных гуляний по Старой Риге. Оба были амбициозны, красивы, артистичны, устраивали из своих свиданий настоящее шоу. Однажды в знаменитом ресторане *Юрас Перле*¹ они так танцевали на круглой авансцене в центре зала, подсвеченной снизу, что чуть не упали оба в зал – смеющиеся, влюблённые. Или однажды разыгрывали перфоманс: «Дайте мяса стране!» – когда под сыплющимся снегом Анна стояла в своём элегантном пальто от Славы Зайцева в итальянских сапогах на шпильках на центральной улице Юрмалы у витрины мясного магазина и с плачущей гримасой протягивала руки к тушам за стеклом, вызывая недоумение у прохожих, а особенно у мясника – толстого бело-брысого латыша, пригрозившего в конце концов ей топориком для рубки этих же туш.

Гуляли под весенними рижскими метелями, смеялись, пили вино, ночевали в его мастерской – тогда это была двухэтажная квартира в старом деревянном доме на улице Гертрудес. Время тогда несло свежими вихрями, как весенний ночной ветер за окном. Олег зажигал камин, наливал вино и пытался рисовать её, но потом спохватывался и клялся, что никогда не будет рисовать её, потому что все девушки, которых он рисовал, очень быстро ему надо-едали.

Он не собирался жениться, она даже не задумывалась о замужестве, но когда практика закончилась и она уехала в Москву, оба затосковали так сильно и неожиданно, что оказалось, что жить друг без друга невозможно. Тоска была такой сильной, что Анна не могла дышать. Олег описывал похожие ощущения. Звонил каждый день, приезжал в Москву часто, говорил, что она заколдовала пространство вокруг него: ни одна девушка ему больше не нравится и ни одна из девушек к нему больше не приближается ближе, чем на метр.

Её мама говорила ей, что он ненадёжный человек – одно слово «художник», но Анна, всё понимая, не могла миновать этого брака.

Собирая дочь в Ригу, мать ей сказала: «Ты же как кролик перед удавом: всё понимаешь и всё равно лезешь к нему в пасть!»

Вытерев слёзы, Анна вспомнила про сына и затосковала по нему. Выйдя из редакции за полночь, когда уже не было ни одной машины на редакционной стоянке, она ощутила, что скоро уйдёт из этой редакции и уедет из этого города. Пространство вокруг Дома Печати стало для неё чужим.

Дома было тихо и сонно. Она пробралась в комнату сына и увидела, что он спит неукрытый – одеяло упало на пол. Укрыв его, услышала шаги. Олег заглянул в дверь и протянул сонно:

– А, это ты? Дома уже не ночуешь?

– Мне позвонила твоя модель, – Анна сказала бесцветно. Она смотрела на его широкие плечи, обтянутые майкой – не могла насмотреться. Ей хотелось подойти и прижаться головой к его плечу, но с внезапной болью осознала, что теперь это стало уже невозможным.

– Я знаю. Потом поговорим. Я всю ночь работал, а сейчас пошёл спать.

Анна глухо затосковала. (Она всё-таки, оказывается, втайне ждала от него какого-то опровержения...)

– Нет, ты мне ответь – мне нужно знать – я с ума сойду, если ты не ответишь – ЭТО ПРАВДА?

– Да ты сама понимаешь, что правда. Поэтому и не пришла сегодня ночью... Кстати, где и с кем ты спала?

– Какое тебе дело?

– Правда, уже никакого, – усмехнулся Олег.

От этих слов у Анны перехватило дыхание. Она только махнула рукой и вышла.

Выпив чаю на кухне, поняла что не уснёт. Ей захотелось пройти в его мастерскую, но дверь, которая вела туда из дома была заперта. Она нашла ключ и прошла через улицу, заметив, что газон пора стричь – вид у него был довольно неопрятный из-за травы, выросшей какими-то дикими пучками.

В мастерской, которая была похожа с виду на нефтяную цистерну – большая круглая студия со стеклянной крышей – было просторно и всегда прохладно. Все металлические детали Олег заказал покрасить автомобильной краской под мокрый асфальт, пол был выложен серой блестящей плиткой, камин – чёрными кирпичами, трубчатые перегородки – всё было задумано под русский авангард начала XX века. Олегу нравилось, Анне напоминало заводской цех.

Анна вошла в мастерскую. В центре стояла незаконченная работа Олега – холст, который он готовил к конкурсу для престижной европейской выставки. На почти иконном фоне – красный и золотой переплелись, ещё раз напоминая об изобилии жизненных радостей, была изображена дама червей. Дама сердца... Руки с заострёнными пальцами зависли на полотне, как в невесомости, а в лице, наоборот, был схвачен момент истины – какое-то очень особенное, тонкое выражение дерзких глаз. Тёмные волосы тонким покрывалом лежали по плечам. Не совсем правильный, чуть вздёрнутый нос придавал лицу нерациональную живость.

«Это она, Инга», – узнала Анна.

Только возле этой ещё незаконченной работы она поняла, что у Олега начался совсем другой период в жизни, который ознаменован появлением Инги. Дело даже не в том, что эта девушка была красива и изображена с любованием. Дело было в том, что у него здесь была совсем другая живопись. Новые краски, новые тона, новая рука. Это был другой художник, совсем не тот, которого она знала до этого. Эта манера, непохожая ни на одного из известных

Анне живописцев, была игрой мудрости и вызова, дерзости и понимания, ссоры и примирения, в ней была гармония, которая притягивала и уже не отпускала от себя.

Анне вдруг мучительно захотелось сейчас же увидеть его прежние работы, – те, что хранились здесь же, в мастерской. Поднявшись на антресоли, она открыла дверь в то помещение, в котором Олег раньше хранил свои холсты, и вдруг, зажёгши свет, увидела никогда не стоявшую тут кровать, на которой спала, выпростав длинную тонкую руку из-под одеяла, девушка. Это была Инга, Анна узнала её, хотя лицо её было закрыто тёмными волосами. Анне было достаточно одного мгновенья, чтоб понять, что эта комнатка давно уже приспособлена под спальню: на маленьком столике валялась косметика, на спинке кровати и на стульях висела женская одежда. Под кроватью – женская обувь.

И этот невыносимый запах другой женщины, который пропитал собой уже всё это маленькое пространство.

Анна вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Она спустилась, побрела вон из мастерской, в тихом доме вошла в спальню Мити и опустила на маленький диванчик. Оглушённая, не могла ни на чём сосредоточиться. И заснуть тоже не могла... Её взгляд застрял на детских часах, висевших на противоположной стене. Впившись взглядом в красного гнома, который молоточком отстукивал секунды, Анна была поражена: как она могла купить такую безвкусицу! Помидорная краснота колпака гнома, хитрая злобещность в его глазу, методичные постукивания его отвратительного молоточка – всё это было гадко, всё добивало её. Она встала и сняла часы со стены, засунув их под диван.

Думая, что теперь заснёт без помех, Анна закрыла глаза, вытянула ноги на тесноватом диванчике. (Мысль прийти спать в спальню, где спал Олег, ей даже не пришла в голову). Вот уже наступила предрассветная тишина, в которой засыпают даже те, кто страдает бессонницей. Анна уснуть не могла. Её сердце стучало, как сумасшедшее, но голова начала соображать ясно. И она поняла, что больше не сможет остаться в этом доме ни на мгновенье. У неё не хватит сил выйти утром на кухню как ни в чём ни бывало и приготовить себе и Олегу кофе. Сидеть с ним за столом и говорить о... О чём говорить с ним?

Если она останется, она обязательно по слабости своей захочет начать бесполезную унижительную борьбу за него, что лишь обесценит всё то, что было в их жизни. Что бы она не сделала, он уже не вернётся к ней, его чувства не возродятся. В его жизнь вошла другая женщина, и Олег, мучаясь виной, всё-таки не сможет расстаться с Ингой, спящей в его мастерской, как прекрасная принцесса в ожидании брачного пира. Всё это принадлежит уже ей – черноволосой даме червей: этот мужчина, его дом, его имущество, его мечты, его жизнь. Ей – Анне – по замыслу Инги нужно исчезнуть, чтобы не мешать двум любящим сердцам соединиться. Ради этого она и звонила сегодня в редакцию.

Анна почувствовала себя здесь, как в чуждом доме. Все вещи здесь были предателями... Заодно с Олегом. Она выискивала и покупала их с такой любовью, мечтая создать уютный мир для своей семьи. А они – эти вещи-предатели – с такой же качественной верностью служили, оказывается, в её отсутствие – Инге – любовнице мужа. Эти красивые чашки из художественного салона поили Ингу, тёплые ковры согревали её длинные ноги, цветы и картины улаживали её взоры. А спит в данный момент Инга на тончайшем батистовом белье, которое Анна выписала по каталогу!

Анна вскочила, села. Она жёстко сказала себе, что ей нужно исчезнуть из жизни Олега. Исчезнуть, чтобы не превратиться во всепонимающую пресную жену творческого мужа, изменяющего ей с каждой натурщицей. Если закончатся чувства с Ингой, начнётся роман с другой красивой юной моделью, а ей, Анне, навсегда, до конца дней, останется жалкая роль обманутой

жены на глазах у всей Риги. И она будет посмешищем до конца дней своих для всех, даже для самой себя. Потому что, когда-то сама примирилась с таким положением вещей.

Она бы ни за что не призналась сейчас самой себе, что у неё была ещё одна, главная причина для побега. Она хотела во что бы то ни стало убежать от Олега, лишить его сына, семьи, чтоб он разобрался, почувствовал ценность её – жены и их сына в своей жизни. Эта причина была мстительной и манипулятивной. А ведь Анна всегда ненавидела такие вещи в других...

Она решительно разбудила Митю, одела его, приготовила ему горячего молока. Выпила крепкого кофе, покидала в чемодан свои вещи и быстро покинула дом, прихватив свои статьи и документы. Она замыслила уехать до пробуждения Олега.

Олег, проснувшись на рассвете, увидел через открытую дверь спальни, что Анна собирает вещи из шкафов в гардеробной. Он нахмурился, ничего не понимая со сна, потом вяло подумал, что Анна, кажется, собиралась уехать на дачу, и наконец, окончательно проснувшись, вспомнил о ночном разговоре с женой. Он понял причину резкости её нервных сборов и вначале захотел было пойти и удержать её, но, подавив это первое движение, попытался представить себе, что будет, если она действительно уедет к родителям. С ней и с сыном ничего плохого не случится, она устроится в Москве на работу в какую-нибудь редакцию, будет писать статейки про сирых и убогих, призывая народ русский к состраданию, Митя вначале будет дома под присмотром бабушки, затем пойдёт в какой-нибудь хороший платный детский сад – он, отец, оплатит это. И всё станет на свои места.

А в его мастерской спала сейчас его возлюбленная, прекрасная женщина с бархатным ласкающим взглядом под длинными ресницами. И сейчас – когда уедут Анна с сыном – он приведёт её сюда – в дом, в эту спальню – и ему уже не придётся больше прятаться и мучиться совестью, глядя в непонимающие глаза жены.

«Это, может быть, очень хорошо, что она уезжает», – решил Олег.

Когда Анна выводила Митю из дому, мальчик что-то оживлённо сказал и у Олега неожиданно сжалось сердце. Но он не встал и не выбежал за ними из дому.

– А папа едет с нами? – спросил Митя. Анна ничего не отвечала сыну.

– А папа едет с нами? – настойчиво спрашивал Митя. В машине он, почувствовав состояние матери, раскапризничался и начал повторять, что хочет к папе.

– Подрастёшь, приедешь, – сказал ему Анна. – А сейчас мы едем к бабушке!

В аэропорту она оставила машину на парковке, и купила билет до Москвы.

¹ «Юрас Перле» (латыш. «*Jūras pērle*» – «Морская жемчужина») – известный ресторан в Юрмале, на берегу Рижского залива. Прекратил работу (сгорел) в 1994 г.

Декабрь 1999 года Лион, Франция. Общежитие беженцев

Серый панельный дом в семь этажей. Два корпуса, соединённые в букву «Г». Снаружи на окнах – железные жалюзи. Дом тонкостенный и ужасно монотонный: ни балконов, ни украшений. Но для тех бездомных, кому выдали направление в этот серый дом, общежитие беженцев, – он кажется тёплым пристанищем в чужой стране. Анна, приближаясь к этому дому с Митей, почувствовала на мгновение всю горькую неприютность, густым облаком окружившую этот дом, но вдохнув её, сразу же внутренне примирилась с ней, чтобы не расплакаться.

Анна с Митей вошли робко в кухню. Все, кто там находились, посмотрели на них. Седой пожилой армянин, сидящий за накрытым столом, приветливо и громко поздоровался с ними:

– А, вот и дорогие соседи! Нам вчера ещё в бюро сказали, что придёт русская женщина с ребёнком. Ну, здравствуй, уважаемый, – старик протянул руку Мите. Митя робко подал свою.

– Садись со мной рядом, как мужчина с мужчиной. Будешь кушать? Асмик, подай тарелку нашему гостю. И вы тоже присаживайтесь к нашему столу, – обратился старый армянин к Анне.

Анна видела, что Митя весь сжимается от громкого голоса мужчины и сердитых, как ему казалось, интонаций. Мальчик уставился на седые пучки волос, видневшиеся на груди из под майки у старика, ему был страшен их вид.

Анна через силу улыбнулась и сказала:

– Нет спасибо, мы не будем вам мешать, мы только что пришли. У нас вещи ещё не разобраны... И кое-чего надо успеть закупить.

– Вы чего хотите купить? – приветливо вмешалась пожилая армянка, Асмик, жена старика. Кажется, она понимала состояние Анны.

– Посуду.

– Какую?

– Ну, тарелки, ложки-вилки, кастрюлю...

– Слушай, кастрюлю не покупай в магазине – там дорого, – женщина тепло коснулась руки Анны. – Там 40 франков маленькая кастрюля стоит. Я тебе покажу *марше*¹ — рынок арабский, там дёшево всё купишь. А пока я тебе дам ложки-вилки и тарелки бумажные. Кастрюли у меня нет лишней, ну подожди субботы, когда рынок будет.

– Спасибо, – Анна благодарно улыбнулась ей в ответ.

В маленьких – 2 на 3 метра – комнатах стояло по кровати, маленький шкаф, у входа мойка и квадратное зеркало над ней. На окнах нет занавесок, стены покрашены жёлтой масляной краской. Пахнет хлоркой, которой наверное мыли комнаты предыдущие жильцы. Туалет и душ в конце коридора.

– Мам, это наш домик?

– Да, Митя.

Ребёнок, почувствовав её состояние, подошёл и обнял её тёплыми ручками.

¹ Марше (фр. *le marché*) – рынок, базар; *supermarché* – супермаркет.

Май 1999 года Москва

Позвонив из Риги в Москву матери, Анна сказала ей, что она с Митей прилетает в 13:45 в Шереметьево¹...

– Тебя встретить? – спросила мать деловито, как всегда не высказав ни радости, ни удивления.

– Нет, я возьму такси.

Добравшись через несколько пробок из Шереметьево на Преображенскую площадь, Анна только сейчас, рассматривая улицы из окна такси, поняла, что она уехала из Риги навсегда. Голос Шевчука² хрипло пел из радио в такси:

«Еду я на родину! Родину – уродину!

Пусть и не красавица, но она нам нравица!»

«А она нам нравится?» – подумала Анна, внимательно рассматривая улицы, людей. За окном проплывали молодая пара с коляской, группа подростков, толстая женщина с огромными сумками в руках коромыслом...

И московский район, где она ходила в школу с 4-го класса, когда её семья получила новую трёхкомнатную квартиру, при расселении таганской³ коммуналки, показался ей постаревшим, как родное лицо, в которое вдруг внимательно и по-новому всмотришься... Приезжая к родителям на последнее Рождество с Митей, Анна не обращала особого внимания на облупившиеся фасады блочных девятиэтажек – тогда она была здесь просто гостьей, приезжей, не дававшей себе труда заметить многое. А теперь всё казалось не таким... Другим... Её дом в Межпарке в Риге отсюда мог показаться райской обителью. Но вспомнив о том, кто там сейчас поселился, Анна вздрогнула, как от ожога, и, вся подобравшись, навсегда запретила себе сравнивать обшарпанный девятиэтажный дом своего детства с рижским особняком в парке за крепким забором.

Митя заснул в такси, и Анна – с ребёнком на руках – попросила шофёра донести её три огромных чемодана до лифта, предупредив, что заплатит ему за эту услугу. Водитель – армянин, пожилой человек с седыми волосами, не взял никаких доплат за эту помощь, посмотрев на Анну с таким тяжёлым достоинством, что ей стало неудобно.

Позвонив в дверь родительской квартиры, Анна вернулась к лифту, успев поставить ногу в закрывающуюся дверь, чтобы чемоданы не уехали вниз.

Мать потом рассказывала соседке:

– Я выхожу, а она снуёт по площадке, бедная: ребёнок на руках, чемоданы в лифте: вот вот уедут и поминай, как звали!

– Ой, что ж ты не позвонила из машины – я бы хоть к подъезду спустилась тебя встретить! – воскликнула мама, открывая дверь. – Ой, сколько ты вещей навезла! Куда так много-то? – всплеснула она руками.

– Тихо, мам – Митя спит! Мобильник разрядился, – шёпотом объясняла Анна, чувствуя себя полной дурой, – мобильник не разрядился, просто она забыла про его существование, как будто вернулась сюда не только как в пространство, но и в то самое время, когда она жила здесь, и у неё не было ещё никакого мобильного.

В квартире – под лучами более яркого, чем в Риге, московского солнца, высветилась застиранность занавесок на окнах, протоптанная тропа на старом ковре в гостиной – зале – как называла мама.

Митя проснулся, бабушка взяла его на руки, не обращая внимания на хныканье. Анна пошла в ванную помыть руки и там, вдохнув знакомого запаха дешёвого туалетного мыла на стеклянной полочке, заплакала.

Когда Анна была подростком, она часто перед этим самым зеркалом пыталась красиво плакать, представляя себя голливудской актрисой, которой раздражённый режиссёр приказал немедленно расплакаться перед камерой. Но сейчас она плакала некрасиво, не глядя на себя в зеркало, чтоб не видеть унижения, сплющившего её лицо. Вытирала сопли, слёзы, душила всхлипы чтоб не услышала мама, переводила дыхание, когда рыдания выходили на крике.

Мама уже накрывала стол, когда Анна вышла из ванной, приняв душ. Красные глаза в таком случае могли сойти за последушевый синдром.

– Так, иди за стол – мы тебя уже ждём, Митя уже суп кушает.

– А где все?

– Отец на даче – клубнику стережёт, а то в прошлый раз всю пообрывал кто-то.

– А Антон?

– Антон на работе. После работы он поедет к Маше – он сейчас у них там живёт – Светлана Алексеевна уехала к матери в отпуск.

– Ну у них всё уже серьёзно?

Мать, расслышав равнодушие в её голосе при таком важном вопросе, немного раздражилась:

– Ну кто точно знает, серьёзно или нет? Наверное, уж серьёзно, раз живут вместе уже три месяца.

«А я жила вместе 7 лет и это оказалось несерьёзно», – подумала Анна.

– Ты надолго приехала-то?

– Нет, – соврала Анна, у неё не было сейчас никаких сил для разговоров. – Мам, можно я не буду есть, я просто засыпаю. Я сегодня всю ночь не спала.

– Да, я тоже перед аэропортом всегда не сплю, боюсь я самолётов, – согласилась мама. – Иди в свою комнату, там твоя кровать застелена, никто на ней не спал.

Вечером Анна была разбужена громким шёпотом мамы, просунувшей голову в спальню:

– Аня, просыпайся, на закате нельзя спать.

Анна, как пьяная пошатываясь со сна, покорно вышла на материн зов в гостиную и увидела, что все вещи из её чемоданов аккуратной стопкой лежат на диване. Мама, стараясь оставаться спокойной, спросила тихим голосом:

– А ты что, насовсем приехала?

– Откуда ты взяла?

– А зачем ты шубу привезла?

– Продать...

– Ой, только не выкручивайся, – так энергично начала мать, что Анна согласилась:

– Да, да, мам, я вернулась насовсем. Только сейчас ни о чём меня не спрашивай, я очень устала, я не спала двое суток почти... Давай завтра обо всём поговорим... Я тебе всё расскажу завтра...

Мать смотрела на неё и кажется всё поняла:

– Олег?

– Мама, я пошла спать!

Она, убежала в спальню и на этот раз заснуть не могла. Притаившись, больше всего боясь, что кто-нибудь зайдёт сейчас в комнату и заговорит с ней, всё вспоминала последний разговор с Олегом, Ингу в мастерской. По лицу её беззвучно катились слёзы, пропадали в подушке. Теперь Анне стали понятны странные взгляды, которые она замечала у няньки и у домработ-

ницы. Они же всё уже и давно знали. Только она оказалась дурой, простушкой, женой, обманываемой в собственном доме.

Как невыносима мысль, что в её доме поселилась другая! Она, наверное, переделает весь дом, чтобы ничего не напоминало Олегу о его прежней семье. «Интересно, и что же она сделает из Митиной комнаты?» – эта мысль чуть не довела Анну до иступления, она вскочила, села на кровати, закрыв лицо руками и застонав от боли в сердце. Эта боль была нематериального свойства, но она ощущалась всем существом несчастной израненной женщины, плакавшей до самого рассвета в своей бывшей детской спальне.

На следующий день Анна проснулась поздно утром. Мити в спальне не было – его голос слышался из-за открытой двери – он разговаривал с бабушкой, которая что-то односложно ему отвечала, просила не шуметь.

Анна встала и побрела из спальни. В длинной ночной сорочке она была такой худой и бледной, что мать, которая на кухне месила тесто для пирожков, рассмеялась:

– Ну ты как привидение рижское! Такая исхудавшая! Давай, садись завтракать. Мы уже с Митей ели. Он сказал, что *бабуська* так вкусненько готовит, – просюсюкала мама, изображая Митю, пытаясь рассмешить дочь.

Анна опустилась на стул, не улыбнувшись. Взяв бутерброд, она начала жевать его, не ощущая его вкуса. Ей вдруг опять страшно захотелось спать.

– Митя, иди мультики посмотри – я тебе включила видео, – выпроводила бабушка Митю из кухни. И наклонившись к Анне, мать сказала ей неожиданно жёстко:

– Ты с таким лицом не сиди. Ребёнок не должен видеть свою мать такой депрессивной. Ты меня часто такой видела, когда маленькой была? А у меня тоже были проблемы и с отцом, и со здоровьем. Но ты никогда ничего не знала и не ощущала. Я тебя берегла. Побереги и ты своего мальчика. Митя очень чуткий ребёнок.

– Я не депрессивная, мам, я просто не выспалась.

– Ну сколько можно спать? – но посмотрев на Анино осунувшееся лицо, она сбавила тон и сказала неуверенно: – Ну иди ещё спи, если хочешь. А мы с Митей пойдём погуляем, пока тесто подойдёт на пирожки. Потом дед с дачи приедет, клубники привезёт – я ему уже позвонила.

– Я не пойду спать, я кофе сейчас выпью и проснусь окончательно. Мне нужно дела делать. На работу устраиваться, прописываться и прочее.

Этот семейный мир, в котором всё переплетено невидимыми артериями, соединявшими память об ушедших и заботу о живущих – был устойчивым и почти неподвластным разным политическим бурям и непогоде за окном. Он – этот тёплый мир – был взлелеян матерью Анны, любившей своих детей и внука Митеньку больше своей жизни. Мать работала на созидание этого мира, начиная с самого первого дня своего замужества, раз и навсегда установив идеальную чистоту в доме и доверие в семье. Привычка к ограничениям послевоенного детства выработали в Валентине Фёдоровне незаурядную волю, мудрость и незацикленность на материальных вопросах. Её муж всю жизнь зарабатывал неплохо, но она никогда не гордилась этим и часто помогала своим бедным деревенским родственникам. Отец, выросший в семье с другими правилами, в другом регионе России, не сразу принял эти новые законы доверия и заботливости друг о друге. Они показались ему излишеством и сентиментальностью. И лишь сейчас, под пенсию, он, наконец, полностью пропитался атмосферой, неустанно создаваемой его женой все эти годы. И сегодня он даже стыдился своих былых мыслей о разводе, одолевавшими в течение года его после того, как он серьёзно влюбился в молодую сотрудницу Вику, придя к ней пару раз на тайное свидание. В третий раз Вика, почувствовав серьёзность его чувства, поставила своё условие развестись с женой. Алексей Дмитриевич начал выпивать, ссорился

с женой, не вынося даже звуков её голоса в течение нескольких месяцев, пока метался в нём, то затухая, то разгораясь, медленный огонь его неудовлетворённой тайной страсти. Но даже подумывая в те времена о разводе, он всё-таки не мог представить свою жизнь без своих детей и без своей жены. Сегодня Вика вспоминалась ему с отвращением. Как и все случайные женщины, которые были в его жизни.

– Хорошо ещё, что в наши годы СПИДа не было, – сказал он однажды ни с того ни с сего сыну, который находясь тогда в юном цветущем состоянии, широко открыл глаза на такое замечание своего старого, как ему тогда казалось, отца.

В первые годы семейной жизни у отца и матери случались серьёзные конфликты другого плана, касавшиеся распределения семейных ролей. Об этих проблемах мать рассказала Анне и её брату, когда они выросли. Рассказала не от злопамятности и не от желания отомстить мужу, а от стремления научить своих детей жить в браке, передав свой удачный опыт. Иногда наука матери казалась допотопной, построенной на манипулятивных приёмах. А иногда Анна поражалась тонкости и доброте суждений матери о людях.

Приехав из Риги, Анна больше всего боялась реакции матери, но мать сейчас редко говорила об Олеге, навсегда вычеркнув его из жизни семьи. Анна даже удивлялась, что сейчас мать вообще не критикует зятя, чего она – Анна – не могла добиться от неё в течение всех 7 лет семейной жизни с Олегом.

¹ Шереметьево – один из четырёх основных аэропортов Москвы.

² Юрий Шевчук (род. 1957) – певец, лидер группы «ДДТ».

³ Таганка – историческое название местности в Москве между реками Москвой и Яузой, в окрестностях Таганской площади и Таганской улицы.

1 января 2000 года Лион, Франция. Общежитие беженцев

В длинном коридоре как выстрел раздался стук резко захлопнутой двери.
– Вот и старый век попрощался, – подумала Анна, глядя в закрытое ставнями окно.

Из дневника Анны

«В ту ночь мне приснился сон, который, наверное, никогда не забуду. Приснилось, что в небе – или в том месте, где обычно расположено небо, крутится огромная непонятная компьютерная программа. Меняется цвет и форма деталей, ритм этих перемен всё убыстряется и я должна успеть угадать логику перемен и принять нужную форму для того, чтобы эта программа приняла её в себя. Я тороплюсь изо всех сил, стараюсь, хотя чувствую, что у меня нет больше сил справляться с этой скоростью, но остановиться – значит умереть. Я становлюсь то красным кружком, то зелёным квадратиком, при этом знаю, что ещё немного – и я уже не выдержу, потому что скорость всех этих перемен становится сумасшедшей...»

* * *

Полежав немного, успокаивая дыхание, которое после этого сна было прерывистым, как плач, Анна попыталась перевести мысли на что-то другое.

«Вот и 2000 год! Какая-то нелепость – встретить новое тысячелетие в общежитии для беженцев во Франции... Где мои университетские друзья? Где мои подруги?»

Никакой радости от встречи 2000 года у неё не было. Даже любимый праздник не смог избавить от постоянной тоски в сердце. Кто-то из беженцев недавно посоветовал Анне просто жить – то есть жить одним мгновением – радоваться, если оно хорошее или печалиться, если нужно, но не замирать от постоянного страха перед будущим.

При этом никто в этом общежитии, кроме маленьких детей, не мог бы до конца забыть своё положение, которое на официальном языке звучало «*Проситель статуса политического беженца*»¹ и не мог бы радоваться от души, забыв про своё неудобное положение просителя в чужой стране.

Иногда в общежитии раздавался плач – и все уже знали, что эта семья получила отказ на свою просьбу о беженском статусе и значит в течение восьми дней им нужно будет покинуть своё жильё здесь. Куда пойдут эти люди – никто этого не знал. Даже они сами.

Кроме того, автоматически прекращалась выплата пособий и взрослые с детьми – семьи – получившие такую бумагу в официальном конверте с французскими гербами, плакали напролёт дни и ночи. Они выходили на кухню, ни на кого не глядя, с красными глазами и все соседи их сторонились, боясь из суеверия заразиться таким страшным невезением.

И в каждую комнату по ночам натоптанными тропами приходили ко всем обитателям этого общежития одни и те же душные мысли: «А если откажут? Что делать? Куда деваться?» В комнатах-шкафах как будто пульсировала сжатая энергия страха всех этих загнанных в угол людей.

Вот так встретили это новое тысячелетие несколько десятков семей семиэтажного общежития на окраине Лиона.

¹ *Статус политического беженца* – во Франции статус беженца выдаётся, когда гражданину удаётся доказать, что его преследовали именно по политическим или религиозным мотивам и именно со стороны государственной власти. Имеют место также: *статус вспомогательной защиты* и *статус апатрида*.

Июнь 1999 года Москва

Анна приехала на станцию метро, которую она помнила под названием «Кировская»¹. «Чистые пруды» звучало красивее, но все в Москве продолжали ещё по привычке говорить «Кировская». Даже когда Анна позвонила в отделение милиции и спросила, куда обратиться ей, имеющей советский паспорт и вернувшейся из Прибалтики в Москву к родителям, куда нужно обратиться по вопросу гражданства и прописки, майор милиции, начальник управления ей так и сказал: «Ну это вам нужно подъехать в *Совет по делам миграций*² на Чистопрудном бульваре. Не знаете? Это же недалеко от метро Кировская».

Возле серого двухэтажного здания, расположенного в проходном дворе, вилась огромная очередь. Хмурые люди, понимавшие, что стоять тут придётся долго, раздражённо посматривая на каждого новенького, как будто считая его конкурентом в этой длинной неопределённой процедуре доказывания права на жизнь в России, всё же – хоть и нехотя, объясняли правила: стать в очередь, дожидаться вызова в кабинет и там узнать, в какую очередь нужно встать ещё раз.

В этой очереди все люди рассказывали друг другу свои истории. Анна познакомилась с женщиной, которая приехала в Москву из Казахстана. Сначала Анна просто прислушалась: высокая яркая женщина средних лет рассказывала русской семейной паре, приехавшей из закавказской республики, о жизни Назарбаева:

– Вот сейчас наш хан строит себе новую резиденцию из золота и мрамора, которой могут позавидовать все султаны. Раньше это было недостроенное здание *Музея Ленина*³ в Алма-Ате. Теперь в нём три огромных зала, в том числе для массовых торжеств и приёмов иностранных послов, плюс рабочие кабинеты «хана» и его приближённых, помещения для obsługi и охраны, а также жилой блок с полным комплексом современных удобств. Для отделки помещений будущего дворца Назарбаева за «много тысяч долларов» пригласили французскую фирму «Буик», которой из Парижа рефрижераторами возили стройматериалы, оборудование и... питьевую воду.

– А к русским ваш хан как относится?

– Сейчас-то Назарбаев уже, конечно, не интернационалист-коммунист. Он и о демократии и рынке поговорить любит, и даже религией мусульманской усердно занимается: таковы же и его «коренные» бай, акимы и султаны из «кочевой знати» прошлого века. Они-то и разжигают оголтелое русофобство: русские «колонизаторы» во всём виноваты. Тут вот такая скрытая субординация: наш Назарбаев принадлежит к племени «шапрашты» Старшего Жуза и занимает в клановой иерархии одно из последних мест. Вышестоящие племена считают это «непорядком» и вынуждают «недосултана» Назарбаева постоянно доказывать свою полноценность усилением репрессий против русских. Моя семья просто чудом спаслась от погрома, убежали в чём дома сидели. Я вышла на дорогу чуть ли не в халате домашнем, остановила частника. Попросила отвезти меня в другой город за 200 км, договорилась о цене и тут муж с сыном вышли. Пришлось ему везти, но мы ему почти все деньги, что у нас были, отдали.

– А вы из какого города?

– Из Алма-Аты, я там в университете русскую литературу преподавала. Сейчас уже некому и нечего там преподавать.

Анна вступила в разговор:

– А вы давно приехали в Москву?

– Полтора года.

– У вас тут родственники?

– Нет. Живём у знакомых – скоро нас попросят уже уйти, наверное – сколько можно...

– Ну вам дали какие-нибудь бумаги? Вы по рождению русская?

– И я русская, и муж русский – попали туда после Свердловского университета – он историк, я филолог – приехали в Казахстан по распределению. Так полжизни там и прожили – почти 20 лет. Но нам здесь ничего не дали. Несмотря на то, что мы русские. Ни гражданства, ни прописки. Мы просились даже в Сибирь... Если у наших друзей кончится терпение и они попросят уйти – мы окажемся на улице.

– Ну разве русским не дают здесь ничего? – поразились Анна.

– Вот, сыну дали, – усмехнулась женщина. – Сыну только что 18 лет исполнилось, ему дали повестку в военкомат. Я как раз пришла выяснить – может, дали нам уже что-то. Раз сына берет в российскую армию, может что-то там сдвинулось с места.

Женщину вызвали в кабинет и, выйдя оттуда, она сообщила Анне:

– Ничего нам не дали. Никакого статуса. И сын пойдёт служить без гражданства.

И она пошла – красивая и стройная женщина, в которой за интеллигентностью манер и речи нет-нет и проглядывала русская баба, набравшая силу во всех трудностях и лишениях, выпавших на долю её и её семьи. Загнанные в тупик люди становятся иногда невероятно сильными, открывая в себе неведомые в обычной жизни резервуары с дополнительными мощностями.

«Баба, которая коня на скаку остановит или в горящую избу войдёт – это же вовсе не от поиска дополнительного адреналина, повода раззудить плечо, размахнуть рукой. Эти экстремальные условия – конь, сорвавшийся с привязи и вполне способный затоптать дитё, или горящая изба, в которой, может быть, остались спящие люди – они способны пробудить к действию только благородные жертвенные натуры. Тут даже не о физической силе, а о благородстве женщины», – задумалась Анна под впечатлением от разговора с русской беженкой из Казахстана.

Наконец, Анна была вызвана в кабинет к чиновнице по фамилии Волкова. Худошавая женщина в очках с толстыми стёклами, роясь в бумагах, кинула Анне:

– Ну что, откуда приехали?

– Я приехала из Латвии, из Риги. Но я родилась в Москве, и родители мои тут живут.

– А *чѐ ж* вы уехали из Москвы в Латвию?

– Это была тогда одна страна – Советский Союз и я получила там работу, там жил мой муж, – не понимая, в чём ей приходится оправдываться, говорила Анна, пожимая плечами.

Чиновница Волкова была не дура, ей не требовалось таких объяснений. Ей нужны были деньги, а Анна была из числа замороженных интеллигентов, которым нужно всё объяснять открытым текстом. Иначе им в голову не придёт такое простое решение. Им почему-то сразу неудобно. Как будто сами без денег живут.

– Ой, как надоело мне всё это выслушивать! Я это каждый день слышу! – прикрикнула Волкова на Анну, стараясь запугать жертву, чтоб она стала сговорчивей. – Уехали, приехали, а что ж вы раньше-то думали своей головой!

Анна понимала, что это какой-то *сюр*, но, сделав серьёзную ошибку, отнесла его за счёт бюрократической бестолковой заикленности Волковой на деталях, не уразумев цели этого неожиданного повышения тона.

– Вы же помните, что это была одна страна, – начала настаивать Анна, повышая голос. – Я не являлась предателем родины, когда уехала туда. (Волкова усмехнулась и подумала про себя: «Ой, какая же она дура!»). – В каждой стране мира, человек родившийся на территории этой страны, может получить гражданство автоматически. Я родилась на территории РСФСР⁴, значит имею право, – говоря всё это, Анна чувствовала себя так, как будто пляшет под чужую дудку – полной идиоткой. – Я не могу понять, почему и откуда такой следовательский тон

по отношению к человеку, вся вина которого состоит только в том, что он посмел вернуться на свою родину, – сказала Анна и голос у неё жалобно дрогнул.

Выслушав наивное и горячее выступление молодой, но бестолковой дамочки, Волкова убедилась, что этот случай безнадежен.

– Мы не можем дать вам ни гражданства, ни прописки, ни регистрации в Москве, – сказала Волкова бесцветным голосом. – Гражданство у нас получают по месту прописки. Где вы прописаны, туда и обращайтесь за российским гражданством.

– Я прописана в Риге. Была.

– Вот в консульство РФ⁵ в Латвии и обращайтесь.

В этот момент в кабинет вошли трое молодых чеченцев, одетые в кожаные пиджаки и оглядевшие присутствующих с презрением восточных князьков. Один из них, заметив Волкову, кивнул ей головой. Она постаралась поскорее избавиться от докучливой и недогадливой посетительницы.

– Всё, мне некогда. До свидания!

И тут же кинулась к чеченцам, улыбаясь и заглядывая в их жёсткие лица. Анна, поняв, что больше ничего не добьётся, вышла из кабинета.

Мать, с нетерпением ожидавшая Анну, заметила её издали: она с Митей гуляла возле песочницы во дворе дома.

– Ну как? Что тебе там сказали?

– Что гражданство нужно просить по месту прописки.

– А если у кого-то нет прописки? Что ему делать? Куда подеваться?

– Не знаю...

– Но ведь тебя без гражданства не возьмут ни на какую работу! Страховку медицинскую не дадут! А Митю не устроить в детский сад... Ну что ты молчишь?

– Я не знаю, что делать...

– Завтра пойдём туда вместе. Мне кажется, что ты что-то не так поняла или плохо объяснила сама.

Так началось время походов по разным учреждениям, так или иначе занимавшихся вопросами мигрантов, как называли людей, возвращающихся из бывших советских республик в Россию. Отстаивая очереди, Анна слышала везде одно и то же – российское гражданство выдаётся по месту прописки. Она уже не спорила в кабинетах чиновников, понимая, что всё это ни к чему не приведёт. Пошла на приём к адвокату, который сам собирался эмигрировать в США, но всё-таки постарался сделать для неё всё, что было в его силах. На адвоката ушли последние деньги Анны, из тех 4 тысяч долларов, что она привезла из Риги. Но и адвокат оказался бессилён перед системой, вернее, перед отсутствием всякой системы по приёму русских людей из бывших советских республик, возвращавшихся в Россию. Никакой системы не существовало.

На последней встрече, придя в адвокатскую контору, Анна услышала от него – молодого холёного еврея, эрудированного и очень пытавшегося помочь ей:

– Существует эмоциональная правота и существует юридическая правота. На вашей стороне первая. А вторая – неизвестно на чьей. Даже я – дипломированный юрист – не могу этого сказать точно. Поэтому я уезжаю из этой страны.

¹ Станция «Кировская» – станция Московского метрополитена открыта в мае 1935 года в составе первого пускового участка – «Сокольники» – «Парк культуры». В ноябре 1990 года станция была переименована в «Чистые пруды».

² Совет по делам миграций – в период 2004—2016 гг. – Федеральная миграционная служба (ФМС России); с апреля 2016 г. – Главное управление по вопросам миграции МВД России (Москва, Чистопрудный бульвар, дом 12).

³ Резиденция президента Республики Казахстан – бывший музей Ленина в Алма-Ате. Героиня повести пересказывает статью Дениса Ломова «*Секреты Семьи Назарбаева*» из газеты «Время» (Омск) за май 2000 г. (www.compromat.ru).

⁴ РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (1917—1991 гг.).

⁵ РФ – Российская Федерация (с 1991 г.).

1 января 2000 года Лион, Франция. Общежитие беженцев

В дверь постучали – стук был начальственным, поэтому Анна, накинув что-то на себя, шаркнула два шага от кровати до двери – комната была два метра в длину и полтора в ширину.

За дверью – безлико улыбающееся лицо Вирджини.

– Бонжур, мадам!

– Бонжур... – Анна почувствовала неловкость от своего неумытого лица и неприбранной постели, но пришлось посторониться и пригласить Вирджини войти.

– Мадам Журавлёва, что вы делали вчера ночью? – спросила Вирджини на плохом английском.

Анна ответила ей на плохом французском:

– Встречали Новый год...

– Значит вы вчера были на втором этаже?

– Была.

– Просим вас пройти в *бюро*¹.

– Зачем?

– Соседи со второго этажа пожаловались на то, что ваша компания устроила там шумную пьянку.

– Но это неправда! – Анна заволновалась, ей не хватило французских слов. Она перешла на английский. – На втором этаже вчера вечером две русские семьи организовали вечер-встречу Нового года. Когда я была там, никаких проблем с соседями при этом не возникало.

– Во сколько вы ушли?

– Я ушла часов в 11 ночи, потому что мы с сыном спешили на концерт на центральной площади.

– Во сколько вы вернулись?

– В два часа ночи.

– Как же вы добрались?

– Метро работало всю ночь...

– Хорошо, сейчас я спрошу у соседей, которые собрали подписи против вашего «русского вечера».

Вирджини удалилась, а Анна подошла к зеркалу и посмотрела на своё немного вызверенное с утра лицо. Она в последнее время смотрелась в зеркало часто, потому что перестала узнавать себя в нём. Её черты остались прежними, а при этом как будто другой человек каждый раз поглядывал на неё из отражения точно с такой же настороженностью, с какой она и сама смотрела на него.

Приведя себя в порядок, Анна постучала к соседям: Алексею и Оксане, которые всё утро ссорились за стеной.

– Что вы вчера такого натворили?

Лёха – 24-летний русский алма-атинец с резкими скулами и смугловатым цветом лица, нервно хихикнул:

– Хохлов залез на албанский холодильник и поссал оттуда. Выгонят отсюда, что ли?

Его беременная жена молча вышла из комнаты. Анна замечала, что Оксана ведёт себя как-то неадекватно, но относила это на счёт её беременности.

Из дневника Анны

«Длинные коридоры, маленькие комнатки с железными дверями, туалет и душ в конце коридора. Пахнет средством для чистки мусоропровода. На кухне толстая негритянка Магорит делает причёску молодой соседке. Они переговариваются на своём негладком наречии и слышится в их булькающих гортанных звуках мягкие шаги носорогов по песку или полёт орла над саванной. Африка. Ассоциации: Айболит, больные слонята, тигрята. Во Франции на каждом шагу – фотоплакаты чернокожих детей, высохших от голода, с адресами и счетами благотворительных ассоциаций. Это гуманно, это сентиментально, но как-то кажется по-западному поверхностно и напоказ. Расизм наоборот – к неграм на Западе относятся как к братьям меньшим.

В этот обшарпанный самодельный салон причёсок на кухне заглянула и Вирджини. Она что-то сказала парикмахерше и её клиентке и затем постучала в комнату к Алексею и Оксане. Негритянки начали смеяться. Смеялись долго, громко. Все женщины на кухне были недовольны этими громкими всхлипами и выкриками, с прихлопываниями рук, но никто ничего не сказал – все будут терпеть, чтоб не дай Бог не получилось какого-нибудь скандала.

Я вспомнила, что Бландин (социальный психолог) мне рассказала, что африканцы никогда не плачут – они смеются. Нервная система у них так устроена, что именно через смех им легче выплеснуть свои отрицательные эмоции...

– Сейчас им попадёт, что на общей кухне волосы красят, – махнула головой в сторону негритянок мне Линда – моя ближайшая соседка по коридору справа, и я понимаю, что Линда их не любит».

Вирджини вышла из комнаты Алексея и Оксаны, направилась к Анне:

– Мадам Журавлёва (она выговаривает это: *мадам Жюравльева*), соседи со второго этажа подтвердили ваши слова – к вам они не имеют никаких претензий.

«Да, – подумала Анна, – хорошо, что это не я забралась на тот албанский холодильник...»

Они обе приятно улыбаются друг другу, Вирджини удаляется, Анна с нетерпением стучит в дверь к алма-атинской паре. Оксана с какими-то странными красными пятнами на лице, кормит двухлетнего Артура хлопьями в молоке. Артур старательно открывает рот и быстро глотает, почти не пережёвывая. У мальчика такие грустные пронзительные глаза, что Анне всегда хочется его приласкать и погладить. Она заметила, что подобные чувства этот ребёнок вызывает у многих – Линда и её муж часто зазывают Артура к себе, где они угощают его сладостями, а их 4-летний сын Рами ревниво прячет от него свои игрушки, надувшись.

Однажды Оксана сказала Артуру:

– Не ходи туда больше, не нужно.

Послушный Артур отказался на следующий день брать печенье у Линды и та обиделась не на шутку. Пришла к Анне и попросила передать Оксане, что Артур – запущенный мальчик, что у него глаза больного ребёнка и ему нужно пройти медицинский осмотр (Линда работала медсестрой в багдадской детской больнице).

Из дневника Анны

«В общежитии у беженцев из разных стран появляется вдруг общее очень сильное чувство ранимости и обидчивости. Дискомфортные ли условия, оторванность ли от всей своей прежней жизни, чувства ли попрошайки, которому из милости дали угол и пропитание – а может и всё вместе – беженцы очень болезненно реагируют на любую мелочь, которая никого не задела бы в обычной жизни.

Гиперчувствительность развивается даже у самых простых людей, радующихся первое время на все лады дармовому пайку, цивилизованному жилью и маленькому денежному посо-

бию. Я видела албанские семьи, похожие обличьем на персонажей Босха² – изуродованные войной или ненавистью лица, выхолощенные от смысла и интеллекта глаза. И даже эти люди постепенно начинали тосковать и томиться своим положением попрощаек без родины».

– И что сказала вам Вирджини? – спросила Анна у Оксаны, которая на этот раз повернула голову в её сторону и ответила внятно:

– Ну, если на... пошлют, уйдём отсюда.

– Ну, а куда? Куда ты пойдёшь беременная и ещё с маленьким ребёнком?!

Оксана презрительно фыркнула – очевидно, ей эти разумные доводы 32-летней соседки казались старческим брюзжанием.

Её муж, всё ещё дремавший после вчерашней попойки на незаправленной кровати в майке и спортивных штанах, успокоил Анну и себя заодно:

– Да никуда нас не выселят. Эта ассистентка сказала, что нас просто поругают сегодня после обеда в бюро.

Из дневника Анны

«Брезгливость к неудачникам. Иногда встречала это в России, от *мадам* Волковой и других чиновников, у которых я просила гражданства и прописки в России, иногда вижу её здесь, скрытую за оптимистическим тоном работников нашего бюро. С такой же брезгливостью я сама отношусь к бомжам и наркоманам. Мне кажется, что человек всё-таки как-то отвечает за свою судьбу. Я – тоже отвечаю. А если этот водитель своей судьбы не справляется с управлением, врезается в какую-то ситуацию, – другим приходится останавливаться и тащить бедолагу на обочину, чтоб не мешал движению... Всем ясно, что его песенка спета, и никто не станет разбираться отчего произошла авария: тормоза отказали или пострадал по своей дурости, – пьяный сел за руль...»

¹ Бюро – администрация в общежитии беженцев.

² Иероним Босх (ок. 1450—1516) – нидерландский художник. Монах Хосе де Сигуенса (исп. *José de Sigüenza*), живший в XVII веке и хорошо знавший картины Босха, так оценивал творчество Босха: «Разница между работами этого человека и других художников заключается в том, что другие стараются изобразить людей такими, как они выглядят снаружи, ему же хватает мужества изобразить их такими, как они есть изнутри».

Линда

– Ты опять куришь? – спросила Линда, невысокая, смуглая женщина с короткой стрижкой и маленькими усиками над верхней губой, входя в свою комнату с полными сумками.

На дешёвом арабском рынке всё стоило 10 франков – блюдо помидоров, кабачков или картошки. Её муж, Омар, тоже невысокий и худощавый, смотрел телевизор. Их 4-летний сын Рами сидел рядом с ним, с достоинством посмотрев на вошедшую мать, копируя отца.

– Я никогда и не собирался бросать курить, – Омар был не в духе.

– Омар, ты забыл, что в Ираке у нас долгов на 10 тысяч долларов?

– Когда получим паспорт, пойдём работать, за год расплатимся.

– А если нам не дадут паспорт? Если нам скажут – убирайтесь в свой Ирак?

– Тогда, – начал заводиться Омар, – мы посмотрим, что будем делать. А сейчас не нужно плакать заранее, как та глупая молодка у не разбитого ещё кувшина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.